IV. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Маличенко В. С. Роль санкций в ограничении обеспечения международно-правовых гарантий охраны здоровья человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 3(69). С. 445–460. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-445-460.

Malichenko V. S. *Rol' sanktsiy v ogranichenii obespecheniya mezhdunarodno-pravovykh garantiy okhrany zdorov'ya cheloveka* [The Role of Sanctions in Violating International Legal Guarantees of Health Protection]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 3(69). Pp. 445–460. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-445-460.

УДК 341
DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-445-460

Роль санкций в ограничении обеспечения международно-правовых гарантий охраны здоровья человека

В. С. Маличенко
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vlad.malichenko@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.04.2025

Введение: *санкции и односторонние ограничительные меры оказывают существенное влияние на темпы технологического развития, доступность лекарственных средств и медицинских изделий, обеспечение выполнения социальных гарантий, что в комплексе приводит к гуманитарной катастрофе в каждом конкретном государстве и, бесспорно, является нарушением основополагающих прав человека, сформулированных во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах.* ***Цель:*** *систематизация доктринальных воззрений, а также правовых механизмов противодействия социально-экономическим последствиям применения санкций и односторонних ограничительных мер.* ***Методы****: в ходе работы использован комплекс общенаучных (системный, моделирования, формально-логический) и частнонаучных (межотраслевой, историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический) методов.* ***Результаты:*** *в зарубежной доктрине международного права произошло отождествление понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры», что легитимизирует политику зарубежных государств в отношении их бесконтрольного применения. Международным сообществом последовательно предпринимались попытки сформировать правовые механизмы, позволяющие исключить из-под вводимых ограничений определенные категории товаров и услуг. Однако угроза «вторичных санкций» в отношении юридических лиц, осуществляющих взаимодействие с государствами, находящимися под действием санкций или односторонних ограничительных мер, и, как следствие, потенциальные экономические потери не позволяют использовать эти правовые механизмы в полной мере.*

© Маличенко В. С., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

IV. INTERNATIONAL LAW SCIENCES

Information for citation:

Malichenko V. S. *Rol' sanktsiy v ogranichenii obespecheniya mezhdunarodno-pravovykh garantiy okhrany zdorov'ya cheloveka* [The Role of Sanctions in Violating International Legal Guarantees of Health Protection]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 3(69). Pp. 445–460. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-445-460.

Маличенко В. С. Роль санкций в ограничении обеспечения международно-правовых гарантий охраны здоровья человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 3(69). С. 445–460. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-445-460.

UDC 341
DOI: 10.17072/1995-4190-2025-69-445-460

The Role of Sanctions in Violating International Legal Guarantees of Health Protection

V. S. Malichenko
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
E-mail: vlad.malichenko@gmail.com

Received 30 Apr 2025

Introduction*: sanctions and unilateral restrictive measures have a significant impact on the pace of technological development, availability of medicines and medical devices, and implementation of social guarantees, thus leading to a humanitarian catastrophe in each specific state, which can undoubtedly be assessed as a violation of fundamental human rights formulated in the UDHR and ICESCR.* ***The purpose*** *of the study is to systematize doctrinal views and legal mechanisms intended to counteract the socio-economic consequences of sanctions and unilateral restrictive measures. The research* ***methods*** *employed in the research include a set of general scientific methods (systemic method, modeling, formal-logical method) and specific scientific methods (inter-branch, historical-legal, comparative-legal, formal-legal methods).* ***Results****: in the foreign doctrine of international law, the concepts of sanctions and unilateral restrictive measures have been equated, which legitimizes the policy of foreign states regarding uncontrolled application of those. The international community has consistently attempted to develop legal mechanisms that would allow certain categories of goods and services to be exempted from restrictions imposed. However, the threat of 'secondary sanctions' against legal entities interacting with states subject to sanctions or unilateral restrictive measures, which entails potential economic losses, prevents these mechanisms from being used to the fullest extent.* ***Conclusions****: healthcare technologies, as well as the means of their production and development, should be exempted from the influence of sanctions or unilateral restrictive measures. A similar approach should be applied to technologies used in the production of medicines and medical devices, many of which are defined as dual-use technologies. In the context of the failure of international law to counter the socio-economic consequences of sanctions and unilateral restrictive measures at the domestic level, there are being*

© Malichenko V. S., 2025

This work is licensed under CC BY 4.0. To view a copy of the license, visit https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Выводы: *технологии здравоохранения, а также средства их производства и разработки должны исключаться из-под влияния санкций или односторонних ограничительных мер. Аналогичный подход необходимо применять в отношении технологий, используемых при производстве лекарственных средств и медицинских изделий, многие из которых определяются как технологии двойного назначения. В условиях несостоятельности международного права в противодействии социально-экономическим последствиям применения санкций и односторонних ограничительных мер на внутригосударственном уровне разрабатываются специальные правовые механизмы, направленные на достижение технологического суверенитета, охрану благосостояния населения, а также обеспечение безопасности человека.*

Ключевые слова: санкции; вторичные санкции; право на здоровье; право на пользование результатами научного прогресса; социальная защита; лекарственное обеспечение; односторонние ограничительные меры; гуманитарные исключения

The Role of Sanctions in Violating International Legal Guarantees of Health Protection

V. S. Malichenko
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
E-mail: vlad.malichenko@gmail.com

Received 30 Apr 2025

Introduction*: sanctions and unilateral restrictive measures have a significant impact on the pace of technological development, availability of medicines and medical devices, and implementation of social guarantees, thus leading to a humanitarian catastrophe in each specific state, which can undoubtedly be assessed as a violation of fundamental human rights formulated in the UDHR and ICESCR.* ***The purpose*** *of the study is to systematize doctrinal views and legal mechanisms intended to counteract the socio-economic consequences of sanctions and unilateral restrictive measures. The research* ***methods*** *employed in the research include a set of general scientific methods (systemic method, modeling, formal-logical method) and specific scientific methods (inter-branch, historical-legal, comparative-legal, formal-legal methods).* ***Results****: in the foreign doctrine of international law, the concepts of sanctions and unilateral restrictive measures have been equated, which legitimizes the policy of foreign states regarding uncontrolled application of those. The international community has consistently attempted to develop legal mechanisms that would allow certain categories of goods and services to be exempted from restrictions imposed. However, the threat of 'secondary sanctions' against legal entities interacting with states subject to sanctions or unilateral restrictive measures, which entails potential economic losses, prevents these mechanisms from being used to the fullest extent.* ***Conclusions****: healthcare technologies, as well as the means of their production and development, should be exempted from the influence of sanctions or unilateral restrictive measures. A similar approach should be applied to technologies used in the production of medicines and medical devices, many of which are defined as dual-use technologies. In the context of the failure of international law to counter the socio-economic consequences of sanctions and unilateral restrictive measures at the domestic level, there are being developed special legal mechanisms aimed at achieving technological sovereignty, protecting the well-being of the population, and ensuring human security.*

Keywords: sanctions; secondary sanctions; right to health; right to benefit from scientific progress; social protection; provision of medicines; unilateral restrictive measures; humanitarian exceptions

developed special legal mechanisms aimed at achieving technological sovereignty, protecting the well-being of the population, and ensuring human security.

Keywords: sanctions; secondary sanctions; right to health; right to benefit from scientific progress; social protection; provision of medicines; unilateral restrictive measures; humanitarian exceptions

Information in Russia

Роль санкций в ограничении обеспечения международно-правовых гарантий охраны здоровья человека

В. С. Маличенко
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vlad.malichenko@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.04.2025

Введение: *санкции и односторонние ограничительные меры оказывают существенное влияние на темпы технологического развития, доступность лекарственных средств и медицинских изделий, обеспечение выполнения социальных гарантий, что в комплексе приводит к гуманитарной катастрофе в каждом конкретном государстве и, бесспорно, является нарушением основополагающих прав человека, сформулированных во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах.* ***Цель:*** *систематизация доктринальных воззрений, а также правовых механизмов противодействия социально-экономическим последствиям применения санкций и односторонних ограничительных мер.* ***Методы****: в ходе работы использован комплекс общенаучных (системный, моделирования, формально-логический) и частнонаучных (межотраслевой, историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический) методов.* ***Результаты:*** *в зарубежной доктрине международного права произошло отождествление понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры», что легитимизирует политику зарубежных государств в отношении их бесконтрольного применения. Международным сообществом последовательно предпринимались попытки сформировать правовые механизмы, позволяющие исключить из-под вводимых ограничений определенные категории товаров и услуг. Однако угроза «вторичных санкций» в отношении юридических лиц, осуществляющих взаимодействие с государствами, находящимися под действием санкций или односторонних ограничительных мер, и, как следствие, потенциальные экономические потери не позволяют использовать эти правовые механизмы в полной мере.* ***Выводы:*** *технологии здравоохранения, а также средства их производства и разработки должны исключаться из-под влияния санкций или односторонних ограничительных мер. Аналогичный подход необходимо применять в отношении технологий, используемых при производстве лекарственных средств и медицинских изделий, многие из которых определяются как технологии двойного назначения. В условиях несостоятельности международного права в противодействии социально-экономическим последствиям применения санкций и односторонних ограничительных мер на внутригосударственном уровне разрабатываются специальные правовые механизмы, направленные на достижение технологического суверенитета, охрану благосостояния населения, а также обеспечение безопасности человека.*

Ключевые слова: санкции; вторичные санкции; право на здоровье; право на пользование результатами научного прогресса; социальная защита; лекарственное обеспечение; односторонние ограничительные меры; гуманитарные исключения

Определение понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры»

В последние десятилетия значительно возросла частота применения ограничительных мер в отношении государств различных регионов мира, именуемых «санкциями» или «односторонними ограничительными мерами».

В научной литературе представлены различные подходы к определению содержания указанных понятий. В документах международных организаций, как и в доктринальных источниках, можно встретить термины «односторонние принудительные меры», «односторонние ограничительные меры», «односторонние санкции», «международные санкции» или «санкции»[1].

В зарубежной доктрине международного права представленные понятия часто отождествляются, что подменяет их истинные нормативные и идеологические отличия. В частности, в исследовании Ж. Комбако санкции определяются как «меры, принимаемые государством или группой государств, в ответ на поведение другого государства, противоречащее международному праву». Б. Картер, детально изучив законодательство и практику применения США односторонних «санкций», говорит о возможности равнозначного использования обоих понятий [15, с. 1166–1167]. Немецкий профессор М. Боте также предложил именовать санкциями любые меры, применяемые субъектами международного права в ответ на нежелательные или, возможно, неправомерные действия другого государства.

Представленная позиция ученых-юристов в определенной степени научно легитимизирует политическую волю зарубежных государств, также отождествляющих данные понятия и условия их применения. В частности, Международная торговая Комиссия США использует термин «односторонние экономические санкции», означающий «любое одностороннее ограничение или условие экономической деятельности в отношении иностранного государства или иностранного субъекта, применяемое в контексте внешнеполитических факторов или необходимости обеспечения национальной безопасности»[2]. Комитет Европейского парламента по международной торговле также использует термин «санкции» для описания односторонних экономических ограничений отдельных государств.

В научной литературе санкции и односторонние ограничительные меры подлежат определенной неофициальной классификации на основе масштаба их влияния на государства [14, с. 137–154]. «Всеобъемлющие» ограничительные меры призваны оказывать тотальное влияние на все сферы деятельности государства, в то время как «точечные» санкции применяются в отношении определенных направлений, что предполагает минимизацию возможных рисков нарушения прав человека. В частности, всеобъемлющий характер экономических санкций против Ирака после войны в Персидском заливе 1991 года разрушил почти всю иракскую инфраструктуру. Именно катастрофические гуманитарные последствия санкций Совета Безопасности ООН (далее – СБ ООН) в отношении Ирака привели к пересмотру подхода к введению санкций в пользу выборочного подхода в отношении определенных секторов экономики и отдельных лиц, непосредственно связанных с неправомерными действиями государства.

Вместе с тем необходимо отметить, что позиция в отношении определения нормативного содержания понятия «санкции» в зарубежной доктрине международного права со временем разделилась. Однако в некоторых исследованиях признается, что ответные меры на противоправные действия одного государства могут иметь децентрализованный (односторонние меры) и централизованный характер (многосторонние меры). Различия между двумя рассматриваемыми категориями, по мнению авторов, являются фундаментальными. Так, односторонние ограничительные меры, принимаемые пострадавшим субъектом, раскрывают форму обеспечения справедливости и использования ответных соразмерных мер. В упомянутых публикациях также подчеркивается, что применение многосторонних ограничительных мер (санкций) является прерогативой СБ ООН [22, с. 175–214; 23, с. 141–142; 24, с. 190–206].

В отечественной доктрине международного права сформировалось четкое разграничение понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры». Основой легитимности санкций являются согласованные действия международного сообщества и общеобязательные для исполнения решения СБ ООН, в то время как односторонние ограничительные меры применяются одним суверенным субъектом международного права против другого – юридически равного ему по статусу [7, с. 21–31; 2, с. 38; 11, с. 12; 12, с. 8].

А. В. Калинин подчеркивает, что основой легитимности санкций являются согласованные в рамках определенного институционального механизма действия международного сообщества, направленные на восстановление и поддержание международного мира и безопасности [3, с. 31]. В научной работе К. В. Крицкого, рассматривающей нормативные отличия понятий «международные санкции» и «односторонние ограничительные меры», отмечается, что

[1] Report of the Special Rapporteur on the Negative Impact of Unilateral Coercive Measures on the Enjoyment of Human Rights: note / by the Secretariat. 2018. A/HRC/39/54. URL: https://www.ohchr.org/en/documents/thematic-reports/ahrc3954-report-special-rapporteur-negative-impact-unilateral-coercive.

[2] U.S. International trade commission, investigation No. 332-391. Overview and analysis of current U.S. unilateral economic sanctions. Washington. 1998. URL: https://www.usitc.gov/publications/docs/pubs/332/PUB3124.PDF.

Definitions of ‘Sanctions’ and ‘Unilateral Restrictive Measures’

In recent decades, the use of restrictive measures against states, referred to as ‘sanctions’ or ‘unilateral restrictive measures’, has increased significantly in various regions of the world.

Academic literature presents various approaches to defining the content of these concepts. Documents of international organizations, as well as doctrinal sources, contain such definitions as: ‘unilateral coercive measures’, ‘unilateral restrictive measures’, ‘unilateral sanctions’, ‘international sanctions’, or simply ‘sanctions’[1].

In foreign international law doctrine, these concepts are often equated, this obscuring their true normative and ideological differences. For instance, in the research of J. Combacau, sanctions are defined as ‘measures taken by a state acting alone or jointly with others in reply to the behaviour of another state, which, it maintains, is contrary to the international law’. B. Carter, having thoroughly examined U.S. legislation and practice regarding unilateral ‘sanctions’, argues that both terms can be used interchangeably [15, pp. 1166-1167]. German professor M. Bothe has also proposed to use the term ‘sanctions’ to refer to any measures applied by subjects of international law in response to undesirable or potentially unlawful actions by another state.

This position of legal scholars, scientifically legitimizes the political will of foreign states to some extent, which also equates these concepts and the conditions for their application. For instance, the U.S. International Trade Commission uses the term ‘unilateral economic sanctions’, defined as ‘any unilateral restriction or condition on economic activity with respect to a foreign country or foreign entity’ imposed ‘for reasons of foreign policy or national security’[2]. Similarly, the European Parliament’s Committee on International Trade employs the term ‘sanctions’ to describe unilateral economic restrictions imposed by individual states.

In academic literature, sanctions and unilateral restrictive measures are subject to an informal classification based on the scope of their impact on states [14, pp. 137-154]. ‘Comprehensive’ restrictive measures are designed to exert total influence on all spheres of a state’s activities, whereas ‘targeted’ sanctions are applied to specific sectors, aiming to minimize potential risks of human rights violations. For example, the comprehensive economic sanctions against Iraq following the 1991 Gulf War devastated nearly the entire Iraqi infrastructure. Catastrophic humanitarian consequences of the UN Security Council (UNSC) sanctions against Iraq led to a reassessment of sanction policies, shifting toward a selective approach targeting specific economic sectors and individuals directly linked to the state’s unlawful actions.

However, it should be noted that over time the position on defining the normative content of the term ‘sanctions’ in foreign international law doctrine has evolved, so today the opinion is divided. Some studies acknowledge that responses to unlawful actions by a state can take either a decentralized form (unilateral measures) or a centralized form (multilateral measures). According to scholars, the differences between these two categories are fundamental. Unilateral restrictive measures adopted by an affected party represent a form of ensuring justice and applying proportionate countermeasures, while multilateral restrictive measures demonstrate the role of the international community in safeguarding the international legal order. Publications also emphasize that the imposition of multilateral restrictive measures (sanctions) falls under the exclusive prerogative of the UN Security Council [22, pp. 175-214; 23, pp. 141-142; 24, pp. 190-206].

In Russian doctrine of international law, a clear distinction has been established between the concepts of ‘sanctions’ and ‘unilateral restrictive measures’. The legitimacy of sanctions is rooted in coordinated actions by the international community and legally binding UN Security Council resolutions, whereas unilateral restrictive measures are imposed by one sovereign subject of international law against another — legally equal in status [7, pp. 21-31; 2, p. 38; 11, p. 12; 12, p. 8].

A. V. Kalinin emphasizes that the legitimacy of sanctions is based on internationally coordinated actions within a specific institutional framework, aimed at restoring and maintaining international peace and security [3, p. 31]. In his research on the normative distinctions between ‘international sanctions’ and ‘unilateral restrictive measures’, K. V. Kritsky argues that

[1] Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights: Note by the Secretariat. 2018. A/HRC/39/54. Available at: https://www.ohchr.org/en/documents/thematic-reports/ahrc3954-report-special-rapporteur-negative-impact-unilateral-coercive.

[2] Overview and Analysis of Current U.S. Unilateral Economic Sanctions. Investigation No. 332-391. U.S. International Trade Commission. Washington. 1998. Available at: https://www.usitc.gov/publications/docs/pubs/332/PUB3124.PDF.

термин «санкции» правомерно использовать по отношению к ограничительным мерам коллективного характера, принимаемым СБ ООН для поддержания мира и безопасности [8, с. 206–207]. И. И. Лукашук также обращал внимание, что Комиссия международного права ООН относит к международно-правовым санкциям принудительные меры, принимаемые международными межправительственными организациями, наделенными полномочиями на применение указанных мер [9, с. 41]. Аналогичная позиция представлена в работе А. Я. Капустина, но при этом подчеркивается невозможность формирования унифицированного понятия «санкции» ввиду сложившейся абсолютно разной практики их применения [4, с. 87]. В исследовании М. А. Кешнер отмечается сформировавшаяся свобода в терминологических трактовках, что влечет неправомерное использование понятия «санкции» в отношении односторонних ограничительных мер [6, с. 59]. Односторонние ограничительные меры обладают рядом отличительных признаков: вводятся по решению государственных органов; направлены в первую очередь на экономический сектор; призваны обеспечить защиту государственных интересов; являются «экстерриториальными», поскольку применяются государством за пределами своих территорий или юрисдикции. Кроме того, субъектом односторонних ограничительных мер обычно являются государства или группы государств, а объектом выступают государства, отдельные физические и юридические лица, совершающие нежелательные или неправомерные с точки зрения имплементирующего государства действия [16, с. 340]. Объектом односторонних ограничительных мер также могут являться третьи страны, которые отказались присоединиться к указанным мерам в отношении другого государства[1].

Представленные авторами выводы можно подтвердить, обратившись к статье 39 Устава ООН, устанавливающей исключительное право СБ ООН определять меры, необходимые для поддержания мира и безопасности. Понятие «санкции» в Уставе ООН не фигурирует, при этом СБ ООН квалифицирует принимаемые им принудительные меры согласно статье 41 Устава именно как санкции. Данная позиция подтверждается Генеральной Ассамблеей ООН (далее – ГА ООН), сформулировавшей, что термин «многосторонние экономические санкции» объединяет меры, санкционированные СБ ООН[2], что только меры, принятые СБ ООН в соответствии со статьей 41 Устава ООН, являются многосторонними санкциями, а любые иные меры следует относить к односторонним принудительным мерам. Аналогичная позиция была представлена Специальным докладчиком ООН по вопросу о негативном влиянии односторонних принудительных мер, отметившим, что «односторонние меры могут приниматься государствами или региональными организациями только в соответствии с международно-правовыми нормами, т. е. с разрешения СБ ООН, действующего на основании главы VII Устава ООН, и не должны нарушать положения международных договоров и нормы обычного права»[3]. По мнению Специального докладчика, «односторонние санкции, не отвечающие вышеуказанным критериям, необходимо относить к односторонним принудительным мерам, которые являются незаконными с точки зрения международного права»[4].

Руководствуясь рассмотренными доктринальными источниками, а также документами международных организаций, следует выделить два подхода к классификации ограничительных мер. Согласно первому подходу под односторонними ограничительными мерами понимаются меры, применяемые на основании решения одного или группы государств в соответствии с национальным правом и имеющие экстратерриториальное воздействие, в то время как к санкциям следует относить ограничительные экономические меры коллективного характера, принимаемые решением СБ ООН в соответствии со статьей 41 Устава ООН. Второй подход объединяет все существующие ограничительные меры, применяемые как государствами в одностороннем порядке, так и международными организациями, под понятием «санкции».

При всем многообразии научных работ, посвященных осмыслению особенностей введения санкций и односторонних ограничительных мер, в отечественной науке отсутствуют системные исследования, представляющие юридическую оценку последствий их применения для обеспечения защиты социальных и культурных прав человека.

Позиция международных организаций в отношении применения односторонних ограничительных мер

Осознавая масштабы социально-экономических последствий применения односторонних ограничительных мер для целых регионов мира, международные организации уделяют всё больше внимания вопросу оценки их правомерности.

[1] Negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights // Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. 2019. A/HRC/42/46. URL: https://www.ohchr.org/ru/documents/thematic-reports/negative-impact-unilateral-coercive-measures-enjoyment-human-rights.

[2] Economic measures as a means of political and economic coercion against developing countries: report of the Secretary-General. UN. Secretary-General. New York: UN, 10 Oct. 1989. A/44/510. URL: https://digitallibrary.un.org/record/78262?ln=ru&v=pdf.

[3] Односторонние принудительные меры: понятие, виды и квалификация: Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Довгань. 2021, A/HRC/48/5. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g21/190/74/pdf/g2119074.pdf?token=jsg6k6crViw5JKUqTf&fe=true.

[4] Там же.

the term ‘sanctions’ should be reserved for collective restrictive measures adopted by the UN Security Council to uphold peace and security [8, pp. 206-207]. I. I. Lukashuk similarly highlights that the UN International Law Commission classifies as ‘international legal sanctions’ only those coercive measures imposed by intergovernmental organizations explicitly authorized to apply them [9, p. 41]. A. Y. Kapustin shares this view but notes the impossibility of developing a unified definition of sanctions due to vastly differing state practices in their application [4, p. 87]. Meanwhile, M. A. Keshner points to the lack of terminological consistency, which facilitates the misuse of the term ‘sanctions’ in reference to unilateral restrictive measures [6, p. 59]. However, unilateral restrictive measures possess several distinctive characteristics: they are imposed by decision of national authorities; primarily targeted at economic sectors; aimed at protecting state interests; applied extraterritorially, i.e., enforced beyond the state's territory or jurisdiction. Furthermore, the subjects imposing unilateral restrictive measures are typically states or groups of states, while the objects (targets) may include: sovereign states; specific individuals and legal entities engaged in activities deemed undesirable or unlawful by the imposing state [16, p. 340]; third countries that refuse to join such measures against the primary target state[1].

The conclusions presented by the authors can be easily confirmed by reference to Article 39 of the UN Charter, which establishes the exclusive authority of the UNSC to determine measures necessary for maintaining international peace and security. While the term ‘sanctions’ does not explicitly appear in the UN Charter, the Security Council itself qualifies the coercive measures it adopts under Article 41 precisely as ‘sanctions’. This position is reinforced by the UN General Assembly (UNGA), which has clarified that the term ‘multilateral economic sanctions’ refers exclusively to measures authorized by the UNSC[2]. The GA has further emphasized that only measures adopted by the UNSC under Article 41 of the UN Charter constitute multilateral sanctions, while all other measures must be classified as unilateral coercive measures. This interpretation has been echoed by the UN Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures, who stated that: ‘Unilateral measures may be taken by States or regional organizations in compliance with international legal standards only: that is, they are taken with the authorization of the Security Council acting under Chapter VII of the Charter of the United Nations, and they do not violate any international treaty or customary norm’[3]. The Special Rapporteur further concluded: ‘Unilateral sanctions that do not satisfy the above criteria constitute unilateral coercive measures and are illegal under international law’[4].

Based on the analyzed doctrinal sources and documents of international organizations, two principal approaches to classifying restrictive measures can be identified. According to the differential approach unilateral restrictive measures refer to measures implemented by one or several states under national legislation and possessing extraterritorial effect. Sanctions are collective economic measures adopted by the UN Security Council under Article 41 of the UN Charter. The Unified Approach encompasses all restrictive measures – whether imposed unilaterally by states or multilaterally by international organizations – under the umbrella term ‘sanctions’.

Despite extensive scholarly examination of implementation mechanisms of sanctions and unilateral measures, Russian legal science currently lacks comprehensive systemic studies that provide: a rigorous legal assessment of their consequences and evaluation of their impact on protecting fundamental social and cultural human rights.

The Position of International Organizations on the Application of Unilateral Restrictive Measures

Recognizing the scale of the socio-economic consequences of unilateral restrictive measures for entire regions of the world, international organizations are paying increasing attention to assessing their legitimacy.

[1] Negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights: Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. 2019. A/HRC/42/46. Available at: https://www.ohchr.org/ru/documents/thematic-reports/negative-impact-unilateral-coercive-measures-enjoyment-human-rights.

[2] Economic measures as a means of political and economic coercion against developing countries: Report of the Secretary-General. New York. UN. 10 Oct. 1989. A/44/510. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/78262?ln=ru&v=pdf.

[3] Unilateral coercive measures: notion, types and qualification: Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, Alena Douhan. 2021. A/HRC/48/59. Available at: http://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?Open&DS=A/HRC/48/59&Lang=E.

[4] Ibid.

Генеральной Ассамблеей ООН приняты многочисленные резолюции, осуждающие применение односторонних ограничительных мер. В частности, Декларация ГА ООН 1965 года о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета установила, что «ни одно государство не вправе применять или поощрять применение экономических, политических и любых иных мер для принуждения другого государства с целью подчинения при осуществлении им своих суверенных прав или получения преимущества любого рода» (п. 2)[1]. Недопустимость применения односторонних экономических, политических и иных мер подчеркивается в Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств 1965 года,[2] статье 32 Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 года[3]. Применение односторонних ограничительных мер противоречит основополагающим принципам международного права, сформулированным в Декларации о принципах международного права 1970 года[4]. В частности, принцип невмешательства подразумевает невозможность применения или поощрения применения экономических мер с целью влияния на реализацию суверенных прав государства. Так, в решении Международного суда ООН по делу «Никарагуа против США» 1986 года констатировалось, что применение односторонних ограничительных мер нарушает принцип невмешательства[5]. Принцип суверенного равенства государств также предполагает наличие обязательства государств отказываться от применения экономических и иных форм давления.

В Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств 1981 года сформулировано обязательство государств воздерживаться от любых мер в экономической, социальной, технической и торговой областях, которые могут расцениваться как вмешательство в государственные дела. Отдельного внимания заслуживает формулировка о необходимости недопущения использования транснациональных корпораций (далее – ТНК), находящихся под юрисдикцией государств, «в качестве средств политического давления или принуждения против другого государства, в нарушение Устава ООН».[6] В резолюции ГА ООН 1984 года сформулирована необходимость воздерживаться от экономических ограничений, несовместимых с положениями Устава ООН и нарушающих обязательства, установленные в рамках двусторонних и многосторонних соглашений[7].

Венская декларация и Программа действий 1993 года также обращает внимание государств на необходимость воздерживаться от любых односторонних мер, препятствующих развитию торговых отношений и полной реализации прав человека, изложенных в международных договорах универсального характера[8].

Однако необходимо отметить наличие противоречащих позиций в резолюциях ГА ООН в отношении применения односторонних ограничительных мер. ГА ООН на регулярной основе разрабатываются и принимаются две группы резолюций, посвященных различным аспектам негативного влияния односторонних ограничительных мер, в которых неоднократно была сформулирована необходимость воздерживаться от экономических ограничений, несовместимых с положениями Устава ООН и нарушающих обязательства, установленные в рамках двусторонних и многосторонних соглашений[9]. С 1983 года ГА ООН ежегодно принимаются резолюции, рассматривающие односторонние ограничительные меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран. Впоследствии данные резолюции стали включать положения, посвященные влиянию односторонних ограничительных мер на обеспечение прав человека.

[1] Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета; Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtm.

[2] Declaration on the Inadmissibility of Intervention in the Domestic Affairs of States and the Protection of Their Independence and Sovereignty. 1965, A/RES/2131(XX). URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ga_2131-xx/ga_2131-xx_e.pdf.

[3] Charter of Economic Rights and Duties of States. 1974, A/RES/3281(XXIX) URL: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/2778/download.

[4] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/2625(XXV). Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. 1970. URL: https://treaties.un.org/doc/source/docs/A_RES_2625-Eng.pdf.

[5] Nicaragua v. United States of America. International Court of Justice June 27, 1986 // General List, No. 70. URL: https://www.icj-cij.org/node/103143.

[6] Declaration on the Inadmissibility of Intervention and Interference in the Internal Affairs of States. 1981. A/RES/36/103/ URL: https://docs.un.org/A/RES/36/103.

[7] Economic measures as a means of political and economic coercion against developing countries: resolution / adopted by the General Assembly. 1984/ A/RES/39/210. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/UCM/Res/A-RES-39-210.pdf.

[8] Vienna Declaration and Programme of Action: note / by the Secretariat. A/CONF.157/23 Geneva: UN, 12 July 1993. 28 p. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action.

[9] Economic measures as a means of political and economic coercion against developing countries: resolution / adopted by the General Assembly. 1984. A/RES/39/210.

The UNGA has adopted numerous resolutions condemning the use of unilateral restrictive measures. For example, the 1965 UNGA Declaration on the Inadmissibility of Intervention in the Domestic Affairs of States and the Protection of Their Independence and Sovereignty established that 'no state may use or encourage the use of economic, political or any other type of measures to coerce another State in order to obtain from it the subordination of the exercise of its sovereign rights or to secure from it advantages of any kind' (para. 2)[1]. The inadmissibility of unilateral economic, political, and other measures is further emphasized in the 1965 Declaration on the Inadmissibility of Intervention in the Domestic Affairs of States[2], Article 32 of the 1974 Charter of Economic Rights and Duties of States, and other key documents[3]. The application of unilateral restrictive measures contradicts the fundamental principles of international law, as outlined in the 1970 Declaration on Principles of International Law[4]. For example, 'the principle of non-intervention prohibits the use or encouragement of economic measures aimed at influencing the exercise of a state's sovereign rights. It was stated in the 1986 ruling of the International Court of Justice in the case of Nicaragua v. the United States, which found that unilateral restrictive measures violate the principle of non-intervention.[5] Similarly, the principle of the sovereign equality of states implies an obligation for states to refrain from applying economic and other forms of pressure.

The 1981 Declaration on the Inadmissibility of Intervention and Interference in the Internal Affairs of States establishes the obligation of states to refrain from any measures in the economic, social, technical, and trade spheres that could be interpreted as interference in a state's domestic affairs. A separate focus should be made on the provisions, prohibiting the use of transnational corporations (TNCs) under a state's jurisdiction 'as instruments of political pressure or coercion against another state, in violation of the UN Charter'[6]. The 1984 UNGA resolution further emphasizes the need to refrain from economic restrictions that are incompatible with the UN Charter and violate obligations under bilateral and multilateral agreements[7]. Additionally, the 1993 Vienna Declaration and Program of Action calls upon states to abstain from any unilateral measures that obstruct trade relations and hinder the full realization of human rights as enshrined in universal international treaties[8].

However, it is important to note the contradictory positions within UNGA resolutions regarding the application of unilateral restrictive measures. The UNGA regularly adopts two distinct sets of resolutions addressing various aspects of the negative impact of unilateral sanctions. These documents repeatedly emphasize the need to refrain from economic restrictions that are incompatible with the UN Charter and violate obligations under bilateral and multilateral agreements[9]. Since 1983, the UNGA has been adopting annual resolutions considering unilateral restrictive measures as a tool of political and economic coercion against developing countries. Over time, these resolutions have also incorporated provisions addressing the impact of unilateral sanctions on human rights.

[1] Declaration on the Inadmissibility of Intervention and Interference in the Internal Affairs of States; Declaration on Princip les of International Law Concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtm.

[2] Declaration on the Inadmissibility of Intervention in the Domestic Affairs of States and the Protection of Their Independence and Sovereignty. 1965. A/RES/2131(XX). Available at: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ga_2131-xx/ga_2131-xx_e.pdf.

[3] Charter of Economic Rights and Duties of States. 1974. A/RES/3281(XXIX). Available at: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/2778/download.

[4] The United Nations General Assembly Resolution A/RES/2625(XXV). Declaration on Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations. 1970. Available at: https://treaties.un.org/doc/source/docs/A_RES_2625-Eng.pdf.

[5] Nicaragua v. United States of America. International Court of Justice. 27 June 1986. General List. No. 70. Available at: https://www.icj-cij.org/node/103143.

[6] Declaration on the Inadmissibility of Intervention and Interference in the Internal Affairs of States. 1981. A/RES/36/103/. A vailable at: https://docs.un.org/A/RES/36/103.

[7] Economic measures as a means of political and economic coercion against developing countries: Resolution adopted by the General Assembly. 1984. A/RES/39/210. Available at: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/UCM/Res/A-RES-39-210.pdf.

[8] Vienna Declaration and Programme of Action: Note by the Secretariat. A/CONF.157/23. Geneva. UN. 12 July 1993. 28 p. Avai lable at: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action.

[9] Economic measures as a means of political and economic coercion against developing countries: Resolution adopted by the General Assembly. 1984. A/RES/39/210.

Вместе с тем необходимо отметить, что в период 1960–1980-х годов со стороны ГА ООН также систематически принимались резолюции, призывающие использовать ограничительные меры в отношении других государств. В частности, следует упомянуть Резолюцию ГА ООН 2107 1965 года, рекомендующую предпринять ряд ограничительных мер против Правительства Португалии,[1] Резолюцию ГА ООН 2383 1968 года против Южной Родезии[2], Резолюцию 1899 1963 года против Южной Африки[3]. В ответ на военные операции Израиля в 1980-х годах ГА ООН призвала государства прекратить поставки в Израиль «любой военной, экономической, финансовой и технологической помощи, а также человеческих ресурсов для проведения агрессивной политики против арабских стран и палестинского народа».

Разработка Целей развития тысячелетия ООН и пришедших им на смену Целей устойчивого развития (ЦУР) лишь усилила внимание международного сообщества к вопросу негативного влияния односторонних ограничительных мер на социально-экономическое благосостояние государств. Непосредственно резолюция 70/1 Генеральной Ассамблеи от 25 сентября 2015 г., утверждающая ЦУР, содержит рекомендацию о необходимости воздерживаться от использования односторонних ограничительных мер, не соответствующих международному праву и Уставу ООН и препятствующих обеспечению полного экономического и социального развития.

Вопрос применения односторонних ограничительных мер государствами затрагивался в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, подготовленном Комиссией международного права (КМП), в котором были сформулированы правовые рамки для случаев, когда государство несет ответственность за нарушение международного обязательства и принятие контрмер между государствами[4].

На основании международных договоров системы Всемирной торговой организации односторонние ограничительные меры определяются как дискриминационные и нарушают положения статей I (режим наибольшего благоприятствования) и XI (отмена количественных ограничений) Генерального соглашения по тарифам и торговле (англ. *General Agreement on Tariffs and Trade* . Далее – ГАТТ). Данная позиция подтверждается в ряде отечественных исследований [13, с. 169–170]. Исключением являются обстоятельства, определенные статьей XXI ГАТТ, а именно предотвращение угрозы миру и актов агрессии в рамках самообороны или во исполнение решений СБ ООН. Вместе с тем исследователи отмечают, что сама формулировка, предписывающая применение исключений, представляется достаточно абстрактной, позволяет прибегать к широким трактовкам [1, с. 48]. Так, США неоднократно обращались к применению односторонних ограничительных мер, руководствуясь «наличием угрозы национальной безопасности».

Роль односторонних ограничительных мер в формировании барьеров обеспечения прав человека неоднократно затрагивалась в работе Управления Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ ООН). Верховный комиссар по правам человека подчеркивал обязательство государств воздерживаться от принятия односторонних принудительных мер, которые нарушают международно-правовые гарантии защиты прав человека[5].

Подкомиссия по поощрению и защите прав человека (далее – Подкомиссия) в резолюции 1997/35 от 28 августа 1997 г. «Неблагоприятные последствия экономических санкций для осуществления прав человека» выразила озабоченность в отношении влияния экономических санкций на соблюдение Устава ООН, Всеобщей декларации прав человека (далее – ВДПЧ) и иных международных договоров по защите прав человека, сформулировав важные аспекты их применения: влекут за собой последствия для наиболее уязвимых категорий населения; усугубляют диспропорции в распределении доходов; порождают незаконную и неэтичную деловую практику. В 2000 году Подкомиссией был подготовлен доклад, содержащий системный анализ легитимности применения санкций и односторонних ограничительных мер в соответствии с международным правом, а также рекомендации в отношении минимизации последствий их применения на соблюдение обязательств по защите прав человека[6]. В докладе подчеркивается, что основная идея применения экономических санкций, заключающаяся в формировании экономического давления на население, как инструмента последующих политических изменений, на практике является несостоятельной, лишь усугубляя его страдания.

Под влиянием увеличения масштабов применения односторонних ограничительных мер Советом

[1] Question of Territories under Portuguese administration: report of the Secretary -General 1965. A/RES/2107(XX). URL: https://docs.un.org/A/RES/2107(XX).
[2] Question of Southern Rhodesia. UNGA Res 2383. 1968. URL: https://digitallibrary.un.org/record/202688?v=pdf.
[3] Question of South West Africa. A/RES/1899. 1964. URL: https://digitallibrary.un.org/record/204109?v=pdf.
[4] Responsibility of States for internationally wrongful acts. Resolution adopted by the General Assembly. A/RES/56/83. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/477/97/PDF/N0147797.pdf?OpenElement.
[5] Thematic study of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, including recommendations on actions aimed at ending such measures. Geneva: UN, 11 Jan. 2012. A/HRC/19/33. URL: https://docs.un.org/A/HRC/19/33.
[6] The adverse consequences of economic sanctions on the enjoyment of human rights: working paper / prepared by Marc Bossuyt. Geneva: UN, 21 June 2000. E/CN.4/Sub.2/2000/33.

At the same time, it should be noted that during 1960 - 1980s, the UNGA also systematically adopted resolutions calling for restrictive measures against certain states. The notable examples include: UNGA Resolution 2107 (1965)[1], which recommended imposing a series of restrictions against the Government of Portugal; UNGA Resolution 2383 (1968), targeting Southern Rhodesia[2]; UNGA Resolution 1899 (1963), directed against South Africa[3]. Additionally, in response to Israel's military operations in the 1980s, the UNGA urged states to halt all military, economic, financial, and technological assistance to Israel, as well as the supply of personnel, to prevent its aggressive policies against Arab states and the Palestinian people.

The development of the UN Millennium Development Goals (MDGs), later succeeded by the Sustainable Development Goals (SDGs), increased the international community's attention to the negative impact of unilateral restrictive measures on the socio-economic well-being of states. UNGA Resolution 70/1 (adopted on 25 September 2015), which established the SDGs, includes a recommendation to refrain from unilateral sanctions that are inconsistent with international law and the UN Charter and that hinder full economic and social development.

The issue of unilateral restrictive measures has also been addressed in the Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, prepared by the International Law Commission (ILC). This document outlines the legal framework for cases where a state bears responsibility for violating international obligations and establishes conditions for lawful countermeasures between states[4].

Under WTO agreements, unilateral restrictive measures are considered discriminatory and violate the provisions of Article I (Most-Favored-Nation Treatment) and Article XI (General Elimination of Quantitative Restrictions) of the GATT. This position is supported by a number of Russian legal studies [13, pp. 169-170]. The only exceptions are circumstances defined under Article XXI of the GATT, which allows measures necessary for national security, including the prevention of threats to peace or acts of aggression, taken in self-defense or in compliance with UN Security Council resolutions. However, scholars note th at the wording of these exceptions is rather abstract and ambiguous, allowing for broad interpretations [1, p. 48]. For instance, the United States has repeatedly justified unilateral sanctions by citing 'national security threats'.

The role of unilateral restrictive measures in undermining human rights has been repeatedly addressed by the Office of the UN High Commissioner for Human Rights (OHCHR). The High Commissioner has emphasized that states have an obligation to refrain from unilateral coercive measures that violate internationally guaranteed human rights protections, particularly in vulnerable economies[5].

The Sub-Commission on the Promotion and Protection of Human Rights, in its Resolution 1997/35 of 28 August 1997 titled 'The Adverse Consequences of Economic Sanctions on the Enjoyment of Human Rights', expressed deep concern over the impact of economic sanctions on compliance with the UN Charter, the Universal Declaration of Human Rights (UDHR), and other international human rights treaties. The resolution outlined key concerns regarding their application: humanitarian consequences for the most vulnerable populations; exacerbation of income inequality; promotion of illicit and unethical business practices. In 2000, the Sub-Commission issued a comprehensive report analyzing the legitimacy of sanctions and unilateral restrictive measures under international law, while also proposing recommendations to mitigate their adverse effects on human rights obligations[6]. The report emphasized that the core rationale behind economic sanctions – exerting economic pressure on civilian populations to induce political change – proves counterproductive in practice, only deepening human suffering without achieving intended policy outcomes.

In response to the growing scale of unilateral restrictive measures, the UN Human Rights Council

[1] Question of Territories under Portuguese administration: Report of the Secretary -General. 1965. A/RES/2107(XX). Available at: https://docs.un.org/A/RES/2107(XX).
[2] Question of Southern Rhodesia. UNGA Res 2383. 1968. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/202688?v=pdf.
[3] Question of South West Africa. A/RES/1899. 1964. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/204109?v=pdf.
[4] Responsibility of States for internationally wrongful acts. Resolution adopted by the General As sembly. A/RES/56/83. Available at: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/477/97/PDF/N0147797.pdf?OpenElement.
[5] Thematic study of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, including recommendations on actions aimed at ending such measures. Geneva. UN. 11 Jan. 2012. A/HRC/19/33. Available at: https://docs.un.org/A/HRC/19/33.
[6] The adverse consequences of economic sanctions on the enjoyment of human rights: working paper. Prepared by Marc Bossuyt. Geneva. UN. 21 June 2000. E/CN.4/Sub.2/2000/33.

по правам человека (СПЧ) была предпринята попытка системного изучения и противодействия данной проблеме. В Резолюции 27/21 СПЧ постановил организовывать каждые два года групповое обсуждение вопроса об односторонних принудительных мерах и правах человека с участием государств-членов, соответствующих органов, учреждений ООН и других заинтересованных сторон. Также СПЧ принял решение об учреждении мандата Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека.

Обобщая тематические доклады, представленные Специальным докладчиком, следует отметить, что в большинстве из них акцентировалось внимание на негативном влиянии односторонних мер на доступность технологий здравоохранения[1]. В выводах последнего доклада 2021 года Специального докладчика было сформулировано следующее: «экономические, финансовые и торговые санкции в отношении государств, а также эмбарго на морские, сухопутные или авиаперевозки делают невозможным приобретение и доставку необходимого технологического, медицинского и других видов оборудования, запасных частей, реагентов, лекарств, вакцин, продуктов питания и других товаров первой необходимости, что препятствует обеспечению основных гражданских, экономических, социальных и культурных прав и права на развитие» [2].

Неправительственными организациями и экспертным сообществом также предпринимались попытки осмыслить влияние односторонних ограничительных мер на обеспечение прав человека. Так, 28 сентября 2011 г. Маастрихтским университетом и Международной комиссией юристов была организована конференция, по итогам которой приняты Маастрихтские принципы экстерриториальных обязательств в отношении социальных и экономических прав, предписывающие полное соблюдение государствами обязательств в области защиты прав человека при «разработке, осуществлении и прекращении любого режима санкций» и отказ от эмбарго на «товары и услуги, необходимые для выполнения основных обязательств».

В отечественных доктринальных источниках также сложилось критическое отношение к оценке легитимности применения односторонних ограничительных мер. По мнению М. В. Кешнер, односторонние меры принуждения не обладают легитимностью и необоснованно именуются санкциями, так как принцип суверенного равенства государств исключает возможность правомерного применения одним государством санкций в отношении другого государства или группы государств в одностороннем порядке [5, с. 147].

В диссертационной работе К. В. Крицкого сформулировано, что односторонние меры одного государства против другого государства не согласуются с основополагающими международно-правовыми принципами, прежде всего принципом суверенного равенства государств и недопустимости вмешательства во внутренние дела государств [8, с. 11].

При рассмотрении практики введения односторонних ограничительных мер отдельного внимания заслуживает проблема применения «вторичных санкций», под которыми понимаются ограничения, налагаемые на деятельность государства или юридического лица, находящихся во взаимоотношениях с государством, в отношении которого введены односторонние ограничительные меры. Под угрозой потенциальных финансовых последствий организации отказываются от взаимодействия с контрагентами, находящимися в государстве, в отношении которого введены санкции, даже если оказываемая услуга или поставляемый товар не находится под действием ограничительных мер.

Основываясь на доктринальных источниках, а также документах международных организаций, следует сделать вывод, что применение односторонних ограничительных мер противоречит основным принципам международного права: принципу суверенного равенства государств, неприменения силы, самоопределения народов, невмешательства во внутренние и внешние дела государств, мирного урегулирования международных споров, сотрудничества между государствами и добросовестного выполнения взятых на себя обязательств по международному праву[3].

Влияние санкций и односторонних ограничительных мер на доступность медицинской помощи

С момента начала применения санкций СБ ООН и односторонних ограничительных мер многочисленные научные исследования, а также документы международных организаций отмечают их негативное влияние на социально-экономический сектор.

[1] Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. 2015, A/HRC/30/45; Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of huma n rights. 2018. A/HRC/39/54. URL: https://www.ohchr.org/en/documents/the matic-reports/ahrc3954-report-special-rapporteur-negative-impact-unilateral-coercive; Unilateral coercive measures: notion, types and qualification. 2021. A/HRC/48/59. URL: https://docs.un.org/A/HRC/48/59.

[2] Targets of unilateral coercive measure: notion, categories and vulnerable groups: note / by the Secretary-General. 2021. A/76/174/Rev.1 URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n21/245/76/pdf/n2124576.pdf?token=WJKHRWJeGDDp4yymsD&fe=true-.

[3] Декларация о принципах международного права, касающихся дру жественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 окт. 1970 г.

(HRC) has taken steps to systematically examine and counteract this issue. In Resolution 27/21, the HRC decided to hold biennial panel discussions on unilateral coercive measures and human rights, involving member states, relevant UN bodies, agencies, and other stakeholders. Additionally, the HRC established the mandate of a Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, tasked with monitoring and reporting on the humanitarian and legal consequences of such measures.

Summarizing the thematic reports presented by the Special Rapporteur, it should be noted that most of them highlighted the negative impact of unilateral measures on the accessibility of healthcare technologies[1]. The conclusions of the latest 2021 report by the Special Rapporteur stated that 'economic, financial, and trade sanctions against states, as well as embargoes on maritime, land, or air transport, make it impossible to procure and deliver necessary technological, medical, and other equipment, spare parts, reagents, medicines, vaccines, food, and other essential goods, thereby impeding the realization of basic civil, economic, social, and cultural rights, as well as the right to development'[2].

Non-governmental organizations and the expert community have also attempted to assess the impact of unilateral restrictive measures on human rights. For example, on September 28, 2011, Maastricht University and the International Commission of Jurists organized a conference, which resulted in the adoption of the Maastricht Principles on Extraterritorial Obligations in the Area of Economic, Social, and Cultural Rights. These principles require states to fully comply with their human rights obligations when 'designing, implementing, and terminating any sanctions regime' and to refrain from imposing embargoes on 'goods and services essential for meeting core obligations'.

In Russian doctrinal sources, a critical attitude has also developed toward assessing the legitimacy of unilateral restrictive measures. According to M. V. Keshner, unilateral coercive measures lack legitimacy and are unjustifiably referred to as sanctions, since the principle of sovereign equality of states excludes the possibility of one state lawfully imposing sanctions against another state or group of states unilate rally [5, p. 147].

In the thesis of K.V. Kritsky, it is argued that unilateral measures by one state against another are inconsistent with fundamental international legal principles, primarily the principle of sovereign equality of states and the inadmissibility of interference in the internal affairs of states [8, p. 11].

While exploring the practice of applying unilateral restrictive measures, special attention should be paid to the problem of 'secondary sanctions', which are understood as restrictions imposed on the activities of a state or legal entity in relations with a state in respect of which unilateral restrictive measures have been introduced. Under the threat of potential financial consequences, organizations refuse to interact with counterparties located in a state subject to sanctions, even if the service provided or the goods supplied are not subject to restrictive measures.

Based on doctrinal sources, as well as documents of international organizations, it should be concluded that the application of unilateral restrictive measures contradicts the basic principles of international law: the principle of sovereign equality of states, non-use of force, self-determination of peoples, non-interference in the internal and external affairs of states, peaceful settlement of international disputes, cooperation between states and the conscientious fulfillment of obligations assumed under international law[3].

The Impact of Sanctions and Unilateral Restrictive Measures on Access to Healthcare

Since the introduction of UNSC sanctions and unilateral restrictive measures, numerous academic studies and documents from international organizations have highlighted their negative impact on the socio-economic sector.

[1] Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. 201 5. A/HRC/30/45; Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. 2018. A/HRC/39/54. Available at: https://www.ohchr.org/en/documents/thematic -reports/ahrc3954-report-special-rapporteur-negative-impact-unilateral-coercive; Unilateral coercive measures: notion, types and qualification. 2021. A/HRC/48/59. Available at: https://docs.un.org/A/HRC/48/59.

[2] Targets of unilateral coercive measure: notion, categories and vulnerable groups: Note by the Secretary -General. 2021. A/76/174/Rev.1. Available at: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n21/245/76/pdf/n2124576.pdf?token=WJKHRWJeGDDp4yymsD&fe=true-.

[3] Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co -operation among States in accordance with the Charter of the United Nations. Adopted by The United Nations General Assembly Resolution A/RES/2625(XXV) on 24 Oct. 1970. Available at: https://treaties.un.org/doc/source/docs/A_RES_2625 -Eng.pdf.

Генеральный секретарь ООН К. Аннан в своем выступлении отмечал, что, несмотря на важность санкций как средства принуждения к выполнению воли международного сообщества, они остаются «грубым» инструментом, наносящим ущерб большому количеству людей, не являющихся их объектом[1]. В «Докладе Тысячелетия», посвященном роли ООН в XXI веке, Генеральный секретарь ООН подчеркнул пагубное влияние экономических санкций на население, отметив, что зачастую их применение лишь усиливает позиции действующей власти[2]. Обеспокоенность по поводу гуманитарных последствий санкций также высказывались в СБ ООН[3].

В резолюциях Комиссии по правам человека относительно применения односторонних принудительных мер было сформулировано, что некоторые страны, используя свое доминирующее положение в мировой экономике, продолжают активизировать принятие односторонних принудительных мер в отношении развивающихся стран, явно противоречащих международному праву, таких как торговые ограничения, блокады, эмбарго, замораживание активов, с целью помешать данным странам в полной мере осуществлять их право определять свою политическую, экономическую или социальную систему[4].

Эффективность применения санкций в качестве мер обеспечения мира и безопасности неоднократно подвергалась сомнению. В частности, санкции, введенные СБ ООН, обеспечивали достижение ожидаемого результата только в 10 % случаев[5], при этом привели к сокращению ожидаемой продолжительности жизни в целевых странах на 1,2–1,4 года [19, с. 27]. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) сообщил, что младенческая смертность в отдельных районах Ирака удвоилась после введения санкций[6]. Исследование последствий применения санкций на показатели продолжительности жизни населения за период 1995–2018 годов подтвердило их негативное влияние [20, с. 60–62].

Право человека на здоровье в международных документах впервые было закреплено в рамках Устава Всемирной организации здравоохранения 1946 года и впоследствии конкретизировано в статье 25 ВДПЧ 1948 года и статье 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года (далее – МПЭСКП). Представленные международно-правовые акты сформировали у государств обязательство сотрудничать в постепенной реализации права человека на здоровье.

Использование санкций, прямо или косвенно оказывающих влияние на социальную сферу, приводит к ограничению обеспечения права человека на здоровье, что неоднократно отмечалось в рамках деятельности Комитета по экономическим, социальным и культурным правам (далее – КЭСКП). В частности, Замечание общего порядка № 14 КЭСКП призывает государства «постоянно» воздерживаться от санкций, ограничивающих доступ к лекарственным средствам и медицинскому оборудованию. Вопросу влияния «экономических санкций» на защиту прав человека посвящено Замечание общего порядка КЭСКП № 8 1997 года[7]. В документе резюмируются последствия введения санкций СБ ООН на обеспечение положений МПЭСКП, в том числе признается их существенное влияние на возникновение перебоев в поставках лекарственных средств. При этом в пункте 12 Замечания подчеркнута необходимость формирования перечня товаров, которые должны быть изъяты из санкционных мер для уменьшения возможных последствий в отношении обеспечения прав, определенных МПЭСКП.

Введение односторонних ограничительных мер и санкций приводит не просто к повсеместному ограничению права человека на здоровье, а к дискриминации уязвимых категорий населения (пожилые люди, женщины, дети, лица с инвалидностью) в части доступа к медико-социальной помощи. В частности, в странах, находящихся под санкциями, наблюдаются увеличенные показатели детской смертности ввиду ограничения доступа к вакцинации, а также

[1] Secretary-General reviews lessons learned during 'Sanctions Decade' in remarks to International Peace Academy Seminar: [statement, 17 Apr. 2000] / [by the Secretary-General]. URL: https://www.un.org/press/en/2000/20000417.sgsm7360.doc.html.

[2] Millennium Report of the Secretary-General of the United Nations, “We the Peoples”: The Role of the United Nations in the 21st Century. United Nations Department of Public Information. New York. 2000.

[3] Letter dated 13 April 1995 from the Permanent Representatives of China, France, the Russian Federation, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States to the United Nations addressed to the President of the Security Council. S/1995/300. New York: UN, 13 Apr. 1995. URL: https://docs.un.org/S/1995/300.

[4] Situation of human rights in the territory of the former Yugoslavia: 5th periodic report on the situation of human rights in the territory of the former Yugoslavia / submitted by Tadeusz Mazowiecki, Special Rapporteur of the Commission on Human Rights, pursuant to paragraph 32 of Commission resolution 1993/7 of 23 February 1993; Human rights and unilateral coercive measures. UN. Commission on Human Rights. E/CN.4/RES/1995/45. URL: https://digitallibrary.un.org/record/227032?ln=en.

[5] United Nations Security Council. Subsidiary organs of the United Nations Security Council – fact sheets 2022; United nations security Council sanctions regimes, 2022. URL: https://www.un.org/securitycouncil/sites/www.un.org.securitycouncil/files/subsidiary_organs_factsheets.pdf

[6] Children’s Death Rates Rising in Iraqi Lands, UNICEF Reports. URL: https://www.nytimes.com/1999/08/13/world/children-s-death-rates-rising-in-iraqi-lands-unicef-reports.html.

[7] Implementation of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights: general comment no. 8, The relationship between economic sanctions and respect for economic, social and cultural rights. 1997. E/C.12/1997/8. URL: https://docs.un.org/E/C.12/1997/8.

UN Secretary-General Kofi Annan noted in his speech that, despite the importance of sanctions as a means of enforcing the will of the international community, they remain a ‘blunt’ instrument that harms large numbers of people who are not their intended targets[1]. In the Millennium Report, dedicated to the role of the UN in the 21st century, the UN Secretary-General emphasized the detrimental effects of economic sanctions on populations, pointing out that their application often only strengthens the position of the ruling authorities[2]. Concerns about the humanitarian consequences of sanctions have also been raised by the UN Security Council[3].

The resolutions by the Commission on Human Rights regarding the application of unilateral coercive measures have stated that some countries, leveraging their dominant position in the global economy, continue to intensify the adoption of unilateral coercive measures against developing countries that obviously violate international law, such as trade restrictions, blockades, embargoes, and asset freezes aimed at preventing these countries from fully exercising their right to determine their own political, economic, or social systems[4].

The effectiveness of sanctions as a tool for ensuring peace and security has been repeatedly called into question. For example, UN Security Council sanctions achieved the intended outcome in only 10% of cases[5], while reducing life expectancy in targeted countries by 1.2–1.4 years [19, p. 27]. The UN Children's Fund (UNICEF) reported that infant mortality in certain regions of Iraq doubled after sanctions were imposed[6]. A study on the impact of sanctions on life expectancy indicators conducted in 1995 – 2018 confirmed their negative effects [20, pp. 60-62].

The human right to health was first enshrined in international instruments under the 1946 Constitution of the World Health Organization and was subsequently elaborated in Article 25 of the 1948 Universal Declaration of Human Rights (UDHR) and Article 12 of the 1966 International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR). These international legal instruments established an obligation for states to cooperate in the progressive realization of the human right to health.

The use of sanctions that directly or indirectly affect the social area leads to restrictions on the fulfillment of the human right to health, as has been repeatedly noted in the work of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR). For example, CESCR General Comment No. 14 calls on states to ‘consistently’ refrain from imposing sanctions that limit access to medicines and medical equipment. The issue of the impact of ‘economic sanctions’ on the protection of human rights is addressed in CESCR General Comment No. 8 of 1997[7]. The document summarizes the consequences of UN Security Council sanctions on the implementation of the ICESCR, including their significant impact on disruptions in the supply of medicines. At the same time, paragraph 12 of the Comment formulates the need to establish a list of goods that should be exempted from sanctions to mitigate potential adverse effects on protection of the rights recognized in the ICESCR.

The introduction of unilateral restrictive measures and sanctions does not also lead to widespread restrictions on the human right to health but also results in discrimination against vulnerable populations (the elderly, women, children, and persons with disabilities) in accessing medical and social assistance. For example, countries under sanctions experience increased child mortality rates due to limited access to vaccination and

[1] Secretary-General reviews lessons learned during 'Sanctions Decade' in remarks to International Peace Academy Seminar: [statement, 17 Apr. 2000] [by the Secretary-General]. Available at: https://www.un.org/press/en/2000/20000417.sgsm7360.doc.html.

[2] ‘We the Peoples’: The Role of the United Nations in the 21st Century: Millennium Report of the Secretary-General of the United Nations. United Nations Department of Public Information. New York. 2000.

[3] Letter dated 13 April 1995 from the Permanent Representatives of China, France, the Russian Federation, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States to the United Nations addressed to the President of the Security Council. S/1995/300. New York. UN. 13 Apr. 1995. Available at: https://docs.un.org/S/1995/300.

[4] Situation of human rights in the territory of the former Yugoslavia: 5th periodic report on the situation of human rights in the territory of the former Yugoslavia submitted by Tadeusz Mazowiecki, Special Rapporteur of the Commission on Human Rights, pursuant to paragraph 32 of Commission resolution 1993/7 of 23 February 1993; Human rights and unilateral coercive measures. UN. Commission on Human Rights. E/CN.4/RES/1995/45. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/227032?ln=en.

[5] United Nations Security Council. Subsidiary Organs of the United Nations Security Council – Fact Sheets 2022; United Nations Security Council sanctions regimes, 2022. Available at: https://www.un.org/securitycouncil/sites/www.un.org.securitycouncil/files /subsidiary_organs_factsheets.pdf.

[6] Children’s death rates rising in Iraqi lands, UNICEF reports. Available at: https://www.nytimes.com/1999/08/13/world/children -s-death-rates-rising-in-iraqi-lands-unicef-reports.html.

[7] Implementation of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights: General Comment no. 8: The relationship between economic sanctions and respect for economic, social and cultural rights. 1997. E/C.12/1997/8. Available at: https://docs.un.org/E/C.12/1997/8.

хронического недоедания. Основные положения недопущения дискриминации по различным основаниям сформулированы в международно-правовых договорах по защите прав человека универсального характера, в частности в статье 7 ВДПЧ, статье 26 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП), а в пункте 2 статьи 2 МПЭСКП сформулировано обязательство по противодействию дискриминации при реализации права на наивысший достижимый уровень здоровья. В Замечании общего порядка № 20 КЭСКП подчеркивал, что недискриминация и равенство являются фундаментальными компонентами прав человека и имеют важное значение при реализации экономических, социальных и культурных прав.

Экономические потрясения, выражающиеся в высоких показателях инфляции, девальвации валюты, а также снижении поступлений в бюджет, формирующиеся под влиянием применения ограничительных мер, оказывают прямое влияние на параметры финансирования систем здравоохранения, что приводит к снижению доступности медицинских услуг, недостаточной укомплектованности медицинскими кадрами. Увеличение показателей бедности населения существенно ограничивает доступ к медицинской помощи в частном сегменте. Санкции и односторонние ограничительные меры оказывают негативное влияние на социальные детерминанты, определяющие не только физическое состояние человека, но и социальное и душевное благополучие.

Отдельного внимания в отношении установления ответственности государств за экстерриториальные последствия применения односторонних ограничительных мер заслуживает позиция Международного Суда в деле 2018 года о предполагаемых нарушениях Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах 1955 года (Иран против США). Согласно документу ограничения на импорт и покупку товаров, необходимых для гуманитарных нужд, таких как продукты питания и лекарства, включая жизненно важные лекарства, средства лечения хронических заболеваний или обеспечения профилактических мер, а также медицинское оборудование, могут оказать серьезное пагубное воздействие на здоровье и жизнь людей на территории Ирана.

Последствия применения санкций и односторонних ограничительных мер стали особенно ощутимы в условиях распространения инфекционных пандемий. Пандемия коронавирусной инфекции, вспыхнувшая в 2020 году, за несколько месяцев поразила практически каждое государство вне зависимости от уровня благосостояния, нанеся катастрофический социально-экономический ущерб, привела к беспрецедентной потере ВВП, росту безработицы, коллапсу систем здравоохранения [10, с. 177]. Санкции и односторонние ограничительные меры лишь усугубили кризис систем здравоохранения и усилили беспомощность государств перед лицом угрозы. В резолюции ГА ООН A/RES/77/214 «Права человека и односторонние принудительные меры» подчеркивается, что лекарственные средства, в том числе вакцины, не должны использоваться в качестве механизма политического принуждения, особенно при возникновении чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения глобального характера.

В Заявлении КЭСКП о пандемии коронавирусной инфекции и экономических, социальных и культурных правах отдельное внимание уделяется вопросу влияния мер одностороннего характера на доступность медицинского оборудования. В частности, сформулировано следующее: «любые ограничения, вводимые на поставки внутри страны, должны быть соразмерными и учитывать неотложные потребности других стран». В пункте 22 Заявления КЭСКП отдельно затрагивается вопрос негативного влияния «односторонних санкций экономического и финансового характера» на системы здравоохранения, особенно в отношении закупок необходимого медицинского оборудования и материалов[1].

Европейская комиссия 11 мая 2020 г. подготовила рекомендации по упрощению процедуры доставки гуманитарной помощи для борьбы с коронавирусом COVID-19 в страны, на которые распространяются санкции ЕС: санкции ЕС не должны препятствовать доставке гуманитарной помощи; каждое государство ЕС должно назначить контактное лицо для обсуждения предоставления средств для борьбы с COVID-19; обеспечить наличие гуманитарных исключений, а в случае COVID-19 могут быть разрешены ограниченные виды деятельности, не подпадающие под исключения; организации, оказывающие гуманитарную помощь, должны продемонстрировать соответствие исключениям[2].

Обратимся к анализу последствий применения односторонних ограничительных мер на сферу охраны здоровья в различных регионах мира. С 1961 года США были введены односторонние ограничительные меры экономического характера в отношении Кубы, предусматривающие полное торговое эмбарго, включая импорт лекарственных средств и медицинских изделий. Подобные ограничения оказали существенное влияние на доступность медицинской помощи, став прямой угрозой системам общественного здравоохранения [18, с. 1248]. Так, количество лекарственных средств, находящихся в обращении на Кубе, сократилось с 1 297 до 889 наименований. Принимая во

[1] Statement on the coronavirus disease (COVID-19) pandemic and economic, social and cultural rights: statement / by the Committee on Economic, Social and Cultural Rights. 2020. E/C.12/2020/1. URL: https://docs.un.org/E/C.12/2020/1/

[2] Commission Guidance Note on the Provision of Humanitarian Aid to Fight the COVID-19 Pandemic in Certain Environments Subject to EU Restrictive Measures (Brussels, 11.5.2020; C (2020) 3179 final). URL: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2022-07/220630-humanitarian-aid-guidance-note_en.pdf.

chronic malnutrition. The fundamental principles prohibiting discrimination on various grounds are outlined in international human rights treaties of a universal nature, including Article 7 of the Universal Declaration of Human Rights (UDHR), Article 26 of the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR), and Article 2(2) of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR), which establishes the obligation to combat discrimination in realizing the right to the highest attainable standard of health. In General Comment No. 20, the Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR) emphasized that non-discrimination and equality are fundamental components of human rights and are essential in the realization of economic, social, and cultural rights.

Economic shocks, manifested in high inflation rates, currency devaluation, and reduced budget revenues caused by the imposition of restrictive measures, directly impact the funding of the healthcare system. This leads to decreased accessibility of medical services and insufficient staffing in the healthcare sector. Rising poverty rates significantly limit access to private healthcare. Sanctions and unilateral restrictive measures negatively affect social determinants of health, impacting not only a person's physical condition but also their social and mental well-being.

Particular attention should be paid to the issue of establishing state responsibility for the extraterritorial consequences of unilateral restrictive measures, as reflected in the position of the International Court of Justice in the 2018 case concerning alleged violations of the 1955 Treaty of Amity, Economic Relations, and Consular Rights (Iran v. United States of America). According to the Court's ruling, restrictions on the import and purchase of goods essential for humanitarian needs such as food and medicines, including vital medications, treatments for chronic diseases or preventive measures, as well as medical equipment, can have severe detrimental effects on the health and lives of people in Iran.

The consequences of sanctions and unilateral restrictive measures became particularly acute during the spread of infectious pandemics. The coronavirus pandemic, which emerged in 2020, affected nearly every country within months, regardless of wealth levels, inflicting catastrophic socio-economic damage, unprecedented GDP losses, rising unemployment, and the collapse of healthcare systems [10, p. 177]. Sanctions and unilateral restrictive measures only exacerbated the healthcare crisis and deepened states' vulnerability in the face of the threat. The UN General Assembly Resolution A/RES/77/214, 'Human Rights and Unilateral Coercive Measures', emphasizes that medicines, including vaccines, must not be used as a tool for political coercion, especially during global public health emergencies.

The CESCR Statement on the COVID-19 Pandemic and Economic, Social, and Cultural Rights pays special attention to the impact of unilateral measures on the accessibility of medical equipment. For example, it states that 'any restrictions imposed on domestic supplies must be proportionate and take into account the urgent needs of other countries'. Para. 22 of the CESCR Statement specifically addresses the negative impact of 'unilateral economic and financial sanctions' on healthcare systems, particularly concerning the procurement of essential medical equipment and supplies[1].

On May 11, 2020, the European Commission issued guidelines to facilitate the delivery of humanitarian aid to combat COVID-19 in countries subject to EU sanctions. These guidelines stipulate that: EU sanctions should not hinder the delivery of humanitarian aid; each EU member state must appoint a contact person to discuss the provision of COVID-19 response resources; humanitarian exemptions must be ensured, and in the case of COVID-19, limited activities not covered by exemptions may be permitted; humanitarian organizations must demonstrate compliance with the exemptions[2].

Unilateral restrictive measures resulted in significant consequences on healthcare in various regions of the world. Since 1961, the United States has imposed unilateral economic restrictive measures against Cuba, including a comprehensive trade embargo that extends to the import of medicines and medical equipment. These restrictions have significantly impacted access to healthcare, posing a direct threat to public health systems [18, p. 1248]. For instance, the number of medicines available in Cuba decreased from 1,297 to 889. Considering that

[1] Statement on the coronavirus disease (COVID-19) pandemic and economic, social and cultural rights: Statement by the Committee on Economic, Social and Cultural Rights. 2020. E/C.12/2020/1. Available at: https://docs.un.org/E/C.12/2020/1/.

[2] Commission Guidance Note on the Provision of Humanitarian Aid to Fight the COVID-19 Pandemic in Certain Environments Subject to EU Restrictive Measures (Brussels, 11.5.2020; C (2020) 3179 final). Available at: https://finance.ec.europa.eu/system/file s/2022-07/220630-humanitarian-aid-guidance-note_en.pdf.

внимание, что большинство основных лекарственных средств разрабатываются ТНК фармацевтической промышленности, расположенными в США, кубинские врачи имеют доступ менее чем к 50 % новых инновационных лекарственных средств[1]. В качестве примера следует упомянуть ситуацию со шведским фармацевтическим производителем, осуществляющим свою деятельность на Кубе с 1970 года. Однако после поглощения американской компанией в 1994 году производитель прекратил поставку лекарственных средств.

Анализируя последствия применения санкций и односторонних ограничительных мер, необходимо отметить основополагающую роль субъектов международных отношений, не являющихся традиционными субъектами международного права, в обеспечении права каждого человека на наивысший достижимый уровень здоровья. В частности, ТНК медицинской и фармацевтической промышленности, являющиеся важнейшим движущим механизмом технологического развития, оказывают существенное влияние как на расширение доступа к жизнеспасающим методам диагностики и лечения, так и на ограничение доступа, в особенности среди уязвимых категорий населения. Даже в ситуации, когда односторонние ограничительные меры в отношении государства не предполагают влияния на поставки лекарственных средств или медицинских изделий, а также отмены любых направлений сотрудничества в области проведения исследований или передачи технологий, ТНК могут принять решение о прекращении своей деятельности на территории государства. Проблема ответственности ТНК за обеспечение права человека на здоровье неоднократно системно рассматривалась в рамках специальных процедур СПЧ и договорных органов по правам человека[2].

Важно отметить, что применение односторонних ограничительных мер не исключает обязательств ТНК в отношении обеспечения прав человека, сформулированных в документах международных организаций и подробно рассмотренных нами ранее. Отдельного внимания заслуживает проблема добровольной поддержки односторонних ограничительных мер со стороны ТНК, принимающих решение о приостановке своей деятельности в государстве и, как следствие, ограничении доступа к определенным товарам и услугам, включая технологии здравоохранения.

Таким образом, применение санкций и односторонних ограничительных мер оказывает системное влияние на обеспечение охраны здоровья человека, снижая объемы финансирования медицинской помощи, увеличивая показатели бедности, ограничивая доступ к необходимым технологиям здравоохранения, а также потенциал государства в области производства и научно-исследовательской деятельности. Подобные последствия свидетельствуют о планомерном ограничении обеспечения целого спектра прав человека, включая право на наивысший достижимый уровень здоровья, право на пользование результатами научного прогресса и др.

Правовые механизмы противодействия социальным последствиям применения санкций

Руководствуясь положениями статьи 2 МПЭСКП, отметим, что использование санкций или односторонних ограничительных мер предполагает формирование у государства, являющегося их объектом, обязательств по защите экономических, социальных и культурных прав человека в максимальных пределах имеющихся ресурсов. В последующем КЭСКП конкретизировал данное обязательство с учетом наличия объективных различий в уровне социально-экономического развития государств и, как следствие, в доступности медицинской помощи. В Замечании общего порядка № 3 1990 года отмечено, что даже в ситуации очевидного дефицита ресурсов государство должно обеспечивать достижение по крайней мере минимально необходимого уровня каждого из закрепленного в МПЭСКП прав. В контексте обеспечения права человека на здоровье данное обязательство предполагает доступ к минимуму основных лекарственных средств, медицинских изделий и услуг, определенных ВОЗ[3].

Как было отмечено нами ранее, применение любых ограничительных мер в отношении государства препятствует обеспечению социальных гарантий населения в полной мере. Однако подобные ситуации не должны являться причиной дискриминации, что требует от государств принимать все возможные меры, включая переговоры с другими государствами и международным сообществом, для сведения к минимуму неблагоприятного воздействия санкций и односторонних ограничительных мер на права уязвимых групп в обществе. Важно отметить,

[1] American Association for World Health. Denial of Food and Medicine: The Impact of the US Embargo on Health and Nutrition in Cuba: an Executive Summary. American Association for World Health; 1997. URL: https://www.american.edu/centers/latin -american-latino-studies/upload/impact-of-us-embargo-on-health-nutrition-in-cuba-1997.pdf.

[2] Report of the Special Rapporteur on the Right of Everyone to the Enjoyment of the Highest Attainable Standard of Physical and Mental Health: Expert Consultation on Access to Medicines as a Fundamental Component of the Right to Health, 2011, A/HRC/17/43. URL: https://digitallibrary.un.org/record/706244?ln=en ; Report of the Special Representative of the Secretary -General on the Issue of Human Rights and Transnational Corporations and Other Business Enterprises, John Ruggie: Guiding Principles on Business and Human Rights: Implementing the United Nations «Protect, Respect and Remedy» Framework, A/HRC/17/31, 2011. URL: https://digitallibrary.un.org/record/705860?ln=en.

[3] WHO. General Comment No. 3: The nature of States parties' obligations (Article 2, para 1) (1990). Adopted by the Committee on Economic, Social and Cultural Rights at the Fifth Session. E/1991/23, 14 December 1990. URL: https://docs.un.org/E/1991/23.

most essential drugs are developed by multinational pharmaceutical corporations based in the U.S., Cuban doctors have access to fewer than 50% of new innovative medicines[1]. A notable example is the case of a Swedish pharmaceutical manufacturer that had been operating in Cuba since 1970. However, after its acquisition by an American company in 1994, the manufacturer ceased drug supplies to Cuba.

While analyzing the consequences of sanctions and unilateral restrictive measures, it is essential to highlight the fundamental role of actors in international relations that are not traditional subjects of international law in ensuring every person's right to the highest attainable standard of health. For example, transnational corporations (TNCs) in the medical and pharmaceutical industries, which serve as a crucial driving force behind technological advancement, significantly influence both the expansion of access to life-saving diagnostic and treatment methods and the restriction of such access, especially among vulnerable populations. Even in cases where unilateral restrictive measures against a state are not intended to affect the supply of medicines or medical equipment, nor to suspend any forms of cooperation in research or technology transfer, TNCs may still decide to cease their operations in the country. The issue of TNCs' responsibility in ensuring the human right to health has been systematically addressed on multiple occasions within the framework of special procedures of the Human Rights Council and UN human rights treaty bodies[2].

It is important to note that the use of unilateral restrictive measures does not limit the obligations of transnational corporations (TNCs) to uphold human rights, as outlined in the documents of international organizations and discussed in detail in the previous section of this research. Another issue is voluntary support of unilateral restrictive measures by TNCs, which decide to suspend their operations in a given state, thereby restricting access to certain goods and services, including healthcare technologies.

Thus, the application of sanctions and unilateral restrictive measures has a systemic impact on the protection of human health by reducing healthcare funding, increasing poverty rates, limiting access to essential health technologies, and constraining the state's capacity in production and research activities. Such consequences indicate a consistent restriction in the fulfillment of a range of human rights, including the right to the highest attainable standard of health, the right to enjoy the benefits of scientific progress, and others.

Legal Mechanisms to Counter the Social Consequences of Sanctions

Following provisions of Article 2 of the ICESCR, the imposition of sanctions or unilateral restrictive measures implies that the targeted state has an obligation to protect economic, social, and cultural human rights to the maximum extent of its available resources. Subsequently, the CESCR elaborated on this obligation, taking into account objective differences in the socioeconomic development levels of states and, consequently, disparities in access to healthcare. In General Comment No. 3 (1990), the CESCR stated that even in situations of significant resource scarcity, the state must ensure reaching of at least minimum essential level of each of the rights enshrined in the ICESCR. In the context of the right to health, this obligation entails access to a minimum of essential medicines, medical equipment, and services, as defined by the WHO[3].

As previously noted in this study, the imposition of any restrictive measures against a state hinders the full realization of social guarantees for its population. However, such situations should not justify discrimination, requiring states to take all possible measures, including negotiations with other states and the international community, to minimize the adverse effects of sanctions and unilateral restrictive measures on the rights of vulnerable groups in society. It is important to emphasize

[1] Denial of Food and Medicine: The Impact of the US Embargo on Health and Nutrition in Cuba: Executive Summary. American Association for World Health. 1997. Available at: https://www.american.edu/centers/latin -american-latino-studies/upload/impact-of-us-embargo-on-health-nutrition-in-cuba-1997.pdf.

[2] Report of the Special Rapporteur on the right of everyone to the enjoyment of the highest attainable standard of physical and mental health: Expert consultation on access to medicines as a fundamental component of the right to health. 2011. A/HRC/17/43. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/706244?ln=en . Report of the Special Representative of the Secretary -General on the issue of human rights and transnational corporations and other business enterprises, John Ruggie: Guiding Principles on Business and Human Rights: Implementing the United Nations 'Protect, Respect and Remedy' Framework. 2011. A/HRC/17/31. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/705860?ln=en.

[3] WHO. General Comment No. 3: The nature of States parties' obligations (Article 2, para 1) (1990). Adopted by the Committee on Economic, Social and Cultural Rights at the Fifth Session. E/1991/23, 14 December 1990. Available at: https://docs.un.org/E/1991/23.

что на государства, использующие односторонние ограничительные меры, равно как и международные организации, вводящие санкции в отношении определенных государств, возлагается обязательство по внедрению мер, минимизирующих их последствия и направленных на обеспечение защиты прав человека.

С целью обеспечения защиты прав человека любой санкционный режим или односторонние ограничительные меры, как правило, содержат исключения в отношении ведения определенной экономической деятельности, именуемые в научной литературе и документах международных организаций «гуманитарными исключениями». Признание международным сообществом последствий реализации санкционных режимов в отношении ряда государств позволило обеспечить выполнение гуманитарных программ с целью минимизации их социально-экономических последствий. Однако Управление Верховного комиссара ООН по правам человека признало, что Резолюция СБ ООН в отношении Афганистана[1] не привела к ожидаемому улучшению доступности гуманитарной помощи, что во многом было вызвано заморозкой США иностранных активов Афганистана и осторожной позицией банков по возобновлению деятельности с организациями данного региона.

Исследования последствий применения гуманитарных исключений продемонстрировали их произвольную и непоследовательную интерпретацию на практике[2]. Процедуры проверки, предусмотренные различными комитетами по применению санкций Совета Безопасности, остаются обременительными, а получение разрешений на поставки в рамках изъятий из режима санкций не всегда представляется возможным [25, с. 73–74]. В частности, исследование Управления ООН по координации гуманитарных вопросов (УКГВ) продемонстрировало неэффективность процедур по одобрению исключений на поставки различных товаров, что приводит к усилению бедности, нехватке ресурсов, развитию черного рынка, незаконной торговли и коррупции. Президент Международной федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца подчеркнул, что гуманитарная помощь должна поступать в страны вне зависимости от наличия санкций, отметив при этом, что процедуры получения гуманитарных исключений отличаются чрезвычайной длительностью и требуют дополнительного финансирования[3]. По состоянию на март 2023 года санкции ООН применяются в отношении девяти из десяти основных стран, получающих помощь от Международного комитета Красного Креста, включая Сирию, Демократическую Республику Конго и Йемен.

Двусмысленность, произвольный характер и непоследовательное толкование гуманитарных исключений при применении санкций и односторонних ограничительных мер привели к задержкам, путанице и, в некоторых случаях, отклонению запросов на экспорт товаров гуманитарного назначения. Процедурные трудности с получением разрешений на поставки товаров, освобожденных от уплаты налогов, и боязнь судебного преследования в связи с действиями по обеспечению соблюдения санкций затрудняют работу ТНК и международных организаций.

В рамках режима односторонних ограничительных мер, вводимого США, также предполагается использование гуманитарных исключений. Полномочия по введению ограничительных мер в отношении иностранных государств в случае возникновения внешней угрозы национальной безопасности США впервые были предоставлены Президенту США Законом «О торговле с врагом» 1914 года. В дальнейшем в 1977 году был принят Национальный закон о чрезвычайных полномочиях 1976 года, а в 1977 году – Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях, сформировавшие современную правовую основу введения односторонних ограничительных санкций. В список стран, экономические отношения с которыми ограничивались на основании данного Закона, в разное время были включены: Гаити (1991–1994 гг.), Ирак (1990–2004 гг.), Либерия (2001–2004 гг.), Ливия (1986–2004 гг., с 2011 г.), Никарагуа (1985–1990 гг.), Панама (1988–1990 гг.), Сербия и Черногория (1992–2003 гг.), Сьерра-Леоне (2001–2004 гг.), Иран (с 1979 г.), Мьянма (с 1997 г.), Судан (с 1997 г.), Зимбабве (с 2003 г.), Сирия (с 2004 г.), Белоруссия (с 2006 г.), Северная Корея (с 2008 г.), Ливия (с 2011 г.), Россия (с 2014 г.).

Контроль за соблюдением односторонних ограничительных мер осуществляется Управлением по контролю за иностранными активами Министерства финансов США (OFAC). Санкционный режим является обязательным для всех граждан США, независимо от их местонахождения, физических и юридических лиц, расположенных в США, а также юридических лиц, зарегистрированных в США и имеющих зарубежные филиалы. Гуманитарные исключения в рамках односторонних ограничительных мер предоставляются в формате лицензий двух типов, позволяющих физическому или юридическому лицу участвовать в определенных типах транзакций: генеральная лицензия предполагает разрешение на особый тип

[1] Resolution 2615 (2021) / adopted by the Security Council at its 8941st meeting, on 22 December 2021. URL: https://docs.un.org/en/S/RES/2615(2021).

[2] Inter-Agency Standing Committee Working Group (IASCWG) (2000) 'Background paper on economic sanctions and human rights', XLI Meeting, 18–19 May 2000. URL: https://interagencystandingcommittee.org/system/files/legacy_files/WG41_7.pdf.

[3] International Federation of Red Cross and Red Crescent Societies, "'COVID -19 a wake-up call to international community: urgent need for global solidarity to prevent poverty and food insecurity around the world'. 2020. URL: https://www.ifrc.org/press -release/covid-19-wake-call-international-community-urgent-need-global-solidarity-prevent.

that states applying unilateral restrictive measures, as well as international organizations imposing sanctions on specific states, bear the obligation to implement measures that mitigate their negative consequences and ensure the protection of human rights.

Any sanctions regime or unilateral restrictive measures typically includes exemptions for certain economic activities to ensure the protection of human rights, referred to in academic literature and international organization documents as 'humanitarian exemptions'. The international community's recognition of the consequences of sanctions regimes imposed on a number of states has facilitated the implementation of humanitarian programs aimed at minimizing their socio-economic impact. However, the UN Office of the High Commissioner for Human Rights has acknowledged that the UNSC resolution on Afghanistan did not lead to the expected improvement in access to humanitarian aid.[1] This was largely due to the U.S. freeze on Afghanistan's foreign assets and the cautious stance of banks regarding resuming operations with organizations in the region.

Studies on the consequences of applying humanitarian exemptions have demonstrated their arbitrary and inconsistent interpretation in practice[2]. The verification procedures established by various Security Council sanctions committees remain burdensome, and obtaining approvals for supplies under sanctions regime exemptions is not always feasible [25, pp. 73-74]. For example, a study by the UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA) revealed the inefficiency of exemption approval procedures for the supply of various goods, leading to increased poverty, resource shortages, the growth of black markets, illicit trade, and corruption'. The President of the International Federation of Red Cross and Red Crescent Societies emphasized that humanitarian aid must reach countries regardless of sanctions, while noting that humanitarian exemption procedures are extremely lengthy and require additional funding.[3] As of March 2023, UN sanctions are in effect in nine out of the ten major countries receiving assistance from the International Committee of the Red Cross, including Syria, the Democratic Republic of the Congo, and Yemen.

The ambiguity, arbitrary nature, and inconsistent interpretation of humanitarian exemptions in the application of sanctions and unilateral restrictive measures have led to delays, confusion, and, in some cases, the rejection of requests for the export of humanitarian goods. Procedural difficulties in obtaining permission for tax-exempt shipments and the fear of legal prosecutions related to sanctions enforcement hinder the operations of transnational corporations and international organizations.

Under the regime of unilateral restrictive measures imposed by the United States, humanitarian exceptions are also supposed to be used. The authority to impose restrictive measures against foreign states in the event of an external threat to U.S. national security was first granted to the U.S. President under the Trading with the Enemy Act of 1914. Subsequently, in 1976, the National Emergencies Act was adopted, followed by the International Emergency Economic Powers Act in 1977, which established the modern legal framework for imposing unilateral restrictive sanctions. The list of countries whose economic relations were restricted under this legislation at various times included: Haiti (1991–1994); Iraq (1990–2004); Liberia (2001–2004); Libya (1986–2004, and again since 2011); Nicaragua (1985–1990); Panama (1988–1990); Serbia and Montenegro (1992–2003); Sierra Leone (2001–2004); Iran (since 1979); Myanmar (since 1997); Sudan (since 1997); Zimbabwe (since 2003); Syria (since 2004); Belarus (since 2006); North Korea (since 2008); Russia (since 2014).

The enforcement of unilateral restrictive measures is overseen by the U.S. Department of the Treasury's Office of Foreign Assets Control (OFAC). The sanctions regime is mandatory for all U.S. citizens, regardless of their location, as well as for individuals and entities within the U.S. and U.S.-registered legal entities with foreign branches. Humanitarian exemptions under unilateral restrictive measures are granted in the form of two types of licenses, allowing individuals or legal entities to engage in certain types of transactions: a general license permits a specific type of

[1] Resolution 2615 (2021). Adopted by the Security Council at its 8941st meeting on 22 December 2021. Available at: https://docs.un.org/en/S/RES/2615(2021).

[2] Inter-Agency Standing Committee Working Group (IASCWG) (2000) 'Background paper on economic sanctions and human rights', XLI Meeting, 18–19 May 2000. Available at: https://interagencystandingcommittee.org/system/files/legacy_files/WG41_7.pdf.

[3] 'COVID-19 a wake-up call to international community: urgent need for global solidarity to prevent poverty and food insecurity around the world'. *International Federation of Red Cross and Red Crescent Societies* [website], 2020. Available at: https://www.ifrc.org/press-release/covid-19-wake-call-international-community-urgent-need-global-solidarity-prevent.

деятельности в целом для определенной категории лиц, специальная лицензия разрешает участие в конкретной деятельности для определенного лица. Наличие механизма предоставления лицензий не позволяет в полной мере обеспечить защиту прав человека и благосостояния общества. Показательным является пример использования гуманитарных исключений в рамках режима односторонних ограничительных мер в отношении Ирана, предусматривающего исключения «для проведения или содействия сделкам по поставке сельскохозяйственных товаров, продуктов питания, лекарственных средств или медицинских изделий в Иран», но на практике не позволившего обеспечить достижения ожидаемых результатов[1].

С целью повышения эффективности применения гуманитарных исключений международными организациями был сформулирован ряд рекомендаций практического характера. Так, КЭСКП предлагается «создание механизма прогнозирования и контроля последствий применения санкций в рамках ООН; разработка более транспарентных принципов и процедур, основанных на концепции уважения прав человека; расширение перечня товаров и услуг, поставляемых в рамках изъятий из режима санкций; предоставление установленным техническим учреждениям разрешения самим определять необходимые изъятия»[2].

Значительное влияние на обеспечение реализации гуманитарных исключений оказывает практика выполнения санкций, а точнее – следование им сверх обозначенных мер. Особенно отчетливо данная тенденция прослеживается в банковском секторе, так как банки стремятся минимизировать риски осуществления деятельности с организациями, находящимися под санкциями или односторонними ограничительными мерами. Подобная практика деятельности банков обусловлена страхом перед упомянутыми ранее «вторичными санкциями». Иностранным компаниям, подпадающим под вторичные санкции, может быть закрыт доступ к ведению бизнеса в государстве, которое ввело санкции, тогда как иностранным физическим лицам может быть отказано во въезде в страну, которая ввела санкции, а их активы в ней могут быть заморожены.

Ограничение осуществления банковских переводов оказало существенное влияние на доступность различных товаров и услуг, в том числе технологий здравоохранения. Продолжительность банковских переводов в Сирии и Венесуэле увеличилась с 2 до 60 дней, а комиссия за один перевод возросла с 0,5 до 10 %. Подобная практика снижает эффективность гуманитарных программ, которые используют часть финансирования на покрытие банковских переводов [17, с. 38–39]. Другим примером является отказ португальского банка Banco Novo обрабатывать платежи за покупку жизненно важных лекарственных средств и предметов медицинского назначения Боливарианской Республикой Венесуэла вследствие санкций, введенных США, что свидетельствует о разрушительном воздействии санкций на обеспечение права на здоровье в Венесуэле.

Управление по контролю за иностранными активами Министерства финансов США выдало генеральную лицензию, разрешающую финансовые операции с участием Центрального банка Исламской Республики Иран для поставок лекарственных средств, медицинского оборудования и иных товаров для борьбы с COVID-19[3]. Специальный докладчик по вопросу прав человека в Исламской Республике Иран в своем докладе 2013 года отдельно затрагивает вопрос доступности технологий здравоохранения в условиях применения односторонних мер экономического характера[4]. В пункте 68 отмечается, что санкции в финансовом секторе в наибольшей степени оказывают влияние на поставки инновационных лекарственных препаратов для лечения жизненно важных заболеваний. Однако страховые компании неохотно страхуют авиаперевозки грузов в Исламскую Республику Иран, а поставляемые партии лекарств часто близки к истечению срока годности вследствие значительных задержек при транспортировке[5].

С целью формирования системного подхода к применению гуманитарных исключений СБ ООН в 2022 году впервые была принята Резолюция, закрепившая обязательство государств, международных организаций и иных субъектов международного и национального права, подтверждая возможность их использования для всех стран, в отношении которых действуют санкционные меры СБ ООН. В частности, в Резолюции был сформулирован тезис о том, что «предоставление, обработка и выплата денежных средств, других финансовых активов или экономических ресурсов и предоставление товаров и услуг,

[1] Executive Order 13645 of June 3, 2013. Authorizing the Implementation of Certain Sanctions Set Forth in the Iran Freedom and Counter-Proliferation Act of 2012 and Additional Sanctions With Respect To Iran. URL: https://www.govinfo.gov/app/details/CFR-2014-title3-vol1/CFR-2014-title3-vol1-eo13645/context.

[2] Statement on the coronavirus disease (COVID-19) pandemic and economic, social and cultural rights : statement / by the Committee on Economic, Social and Cultural Rights. 17 Apr. 2020 URL:https://digitallibrary.un.org/record/3856957?ln=en

[3] United States of America, Department of the Treasury, General License No. 8, authorizing certain humanitarian trade transacti ons involving the Central Bank of Iran, 27 February 2020. URL: https://ofac.treasury.gov/media/48841/download?inline.

[4] Situation of human rights in the Islamic Republic of Iran: note / by the Secretary-General, 2013. A/68/503. URL: https://digitallibrary.un.org/record/759270/files/A_68_503-RU.pdf?ln=es.

[5] OHCHR, “Preliminary findings of the visit to the Islamic Republic of Iran by the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights”. 18 May 2022. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/2022-05/Irancountry-visit-conclusions-SR-UCM-17May2022%20-EnglishPersian.docx.

activity for a defined category of persons, while a specific license authorizes a particular entity to participate in a designated activity. However, the existence of a licensing mechanism does not fully ensure the protection of human rights and societal well-being. A notable example is the use of humanitarian exemptions under unilateral sanctions against Iran, which include exceptions ‘for conducting or facilitating transactions related to the supply of agricultural commodities, food, medicine, or medical devices to Iran’. Yet, in practice, these measures have failed to achieve the intended outcomes[1].

In order to enhance the effectiveness of humanitarian exemptions by international organizations, a number of practical recommendations have been formulated. For instance, the CESCR proposes: establishing a mechanism for predicting and monitoring the consequences of UN sanctions; developing more transparent principles and procedures based on the concept of human rights respect; expanding the list of goods and services supplied under sanctions exemptions; granting designated technical agencies the authority to independently determine necessary exemptions[2].

The implementation of humanitarian exceptions is significantly influenced by sanctions enforcement practices, particularly overcompliance – adhering to measures beyond the stipulated requirements. This trend is especially evident in the banking sector as financial institutions seek to minimize risks associated with dealings involving entities under sanctions or unilateral restrictive measures. Such behavior by banks is driven by fear of the aforementioned ‘secondary sanctions’. Foreign companies subject to secondary sanctions may be denied the ability to conduct business in the state that imposed the sanctions, while foreign individuals may be barred from entering the sanctioning country, and their assets within it may be frozen.

The restriction on bank transfers had a significant impact on the availability of various goods and services, including healthcare technologies. The processing time for bank transfers in Syria and Venezuela has increased from 2 to 60 days, while the fee per transfer has risen from 0.5% to 10%. Such practices reduce the efficiency of humanitarian programs, which allocate part of their funding to cover bank transfer costs [17, pp. 38-39]. Another example is the refusal of the Portuguese bank Banco Novo to process payments for the purchase of vital medicines and medical supplies by the Bolivarian Republic of Venezuela due to U.S.-imposed sanctions, highlighting the devastating impact of sanctions on securing the right to health in Venezuela.

The U.S. Department of the Treasury’s Office of Foreign Assets Control (OFAC) issued a general license permitting financial transactions involving the Central Bank of the Islamic Republic of Iran for the supply of medicines, medical equipment, and other goods to combat COVID-19[3]. In his 2013 report, the Special Rapporteur on the situation of human rights in the Islamic Republic of Iran specifically addressed the issue of access to healthcare technologies under unilateral economic measures.[4] Paragraph 68 notes that financial sector sanctions have the greatest impact on the supply of innovative medicines for treating life-threatening diseases. However, insurance companies are reluctant to cover air cargo shipments to the Islamic Republic of Iran, and delivered batches of medicines are often near expiration due to significant delays in transportation. [5]

In order to establish a systematic approach to the application of humanitarian exemptions, the UNSC adopted a resolution in 2022 for the first time, which enshrined the commitment of states, international organizations, and other subjects of international and national law, affirming the possibility of their use for all countries subject to UNSC sanctions. For example, the resolution articulated the principle that ‘the provision, processing, and payment of funds, other financial assets or economic resources, and the provision of goods and services

[1] Executive Order 13645 of June 3, 2013. Authorizing the Implementation of Certain Sanctions Set Forth in the Iran Freedom and Counter-Proliferation Act of 2012 and Additional Sanctions with respect to Iran. Available at: https://www.govinfo.gov/app/details/CFR-2014-title3-vol1/CFR-2014-title3-vol1-eo13645/context.

[2] Statement on the coronavirus disease (COVID-19) pandemic and economic, social and cultural rights: Statement by the Committee on Economic, Social and Cultural Rights. 17 Apr. 2020. Available at: https://digitallibrary.un.org/recor d/3856957?ln=en.

[3] United States of America, Department of the Treasury, General License No. 8, authorizing certain humanitarian trade transacti ons involving the Central Bank of Iran, 27 February 2020. Available at: https://ofac.treasury.gov/media/48841/do wnload?inline.

[4] Situation of human rights in the Islamic Republic of Iran: Note by the Secretary-General. 2013. A/68/503. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/759270/files/A_68_503-RU.pdf?ln=es.

[5] ‘Preliminary findings of the visit to the Islamic Republic of Iran by the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights’. 18 May 2022. *OHCHR* [website]. Available at: https://www.ohchr.org/sites/default/files/2022-05/Irancountry-visit-conclusions-SR-UCM-17May2022%20-EnglishPersian.docx.

необходимых для обеспечения своевременной доставки гуманитарной помощи или для содействия осуществлению других видов деятельности, способствующих удовлетворению основных человеческих потребностей»[1], не является нарушением налагаемых на государства обязательств по замораживанию денежных средств и иных активов.

С целью противодействия катастрофическим социально-экономическим последствиям применения санкций и односторонних ограничительных мер на внутригосударственном уровне разрабатываются специальные правовые механизмы. В частности, за последние годы ряд фундаментальных изменений коснулся программных документов, определяющих различные сферы государственного развития, были разработаны правовые механизмы, направленные на достижение технологического суверенитета, охрану благосостояния населения, а также обеспечение безопасности человека.

Указом Президента РФ от 16.03.2022 № 121 были утверждены меры по обеспечению социально-экономической стабильности и защиты населения в Российской Федерации, в том числе направленные на охрану здоровья человека., включая обеспечение бесперебойного доступа к лекарственным средствам и медицинским изделиям. С целью выполнения поставленной задачи Правительством РФ активно реализуется ряд мер, воздействующих на различные этапы жизненного цикла технологий здравоохранения.

В частности, системное осмысление в контексте вопросов охраны здоровья получил механизм принудительного лицензирования. Применение данного механизма предусмотрено в интересах обороны и безопасности, а также охраны здоровья на основании решения Правительства РФ в соответствии со статьей 1360 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ[2]), а также по решению суда в соответствии с статьей 1362 ГК РФ[3]. В рамках систематизации подходов к применению механизма принудительного лицензирования Указом Президента РФ № 122 от 15 февраля 2024 г. было поручено сформировать подкомиссию по вопросам использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов[4]. Подкомиссия организована при Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции, она осуществляет свою деятельность под председательством министра экономического развития РФ и объединяет представителей Минэкономразвития, Минпромторга, ФАС и Роспатента, а также профильных федеральных органов исполнительной власти, к сфере ведения которых относится отрасль, предполагающая использование изобретения, полезной модели, промышленного образца без согласия патентообладателя.

Другим механизмом, призванным обеспечить бесперебойный доступ к лекарственным средствам в условиях возможного влияния односторонних ограничительных мер, стало учреждение Межведомственной комиссии по определению дефектуры лекарственных средств[5]. В документе сформулированы ситуации, приводящие к формированию дефектуры, что позволяет обеспечивать специальный режим обращения для отдельных лекарственных препаратов, в частности, выдача разрешения на временное обращение серии (партии) лекарственного препарата, имеющего зарегистрированные в Российской Федерации аналоги по МНН (Международному непатентованному наименованию), или ввоз лекарственного препарата в иностранной упаковке.

С целью развития технологической независимости в сфере здравоохранения отдельное внимание уделяется финансированию научно-исследовательской деятельности. В частности, для целей разработки современных технологий фармацевтической промышленности предусмотрено предоставление субсидий из федерального бюджета. Подобный механизм получил название «патенты на полку», он предполагает разработку и формирование производственных мощностей для отдельных наименований лекарственных препаратов до момента окончания патентной защиты с целью обеспечения бесперебойного доступа в случае формирования дефектуры.

[1] Resolution 2664 (2022) / adopted by the Security Council at its 9214th meeting, on 9 December 2022 URL: https://digitallibrary.un.org/record/3997259?ln=en&v=pdf.

[2] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 дек. 2020 г. № 3718-р; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 дек. 2023 г. № 3937-р.

[3] См.: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0a497aee-9564-4487-a140-8d1e17fcfcb0/78514371-8c45-48ef-a5ba-e77b4fd29f1b/A40-185112-2022_20230925_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

[4] О совершенствовании порядка принятия решений об использовании изобретений, полезных моделей и промышленных образцов в целях обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 15 февр. 2024 г. № 122.

[5] О межведомственной комиссии по определению дефектуры или риска возникновения дефектуры лекарственных препаратов, выдачи заключений об определении дефектуры или риска возникновения дефектуры лекарственных препаратов, о возможности (невозможности) временного обращения серии (партии) незарегистрированного лекарственного препарата и о возможности (невозможности) обращения в Российской Федерации серии (партии) лекарственного препарата в упаковке, предназначенной для обращения на территории иностранных государств, лекарственных препаратов, в отношении которых есть дефектура или риск ее возникновения, в связи с введением в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера, а также об утверждении форм указанных заключений: Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19 мая 2022 г. № 339н.

necessary to ensure the timely delivery of humanitarian assistance or to support other activities that help meet basic human needs'[1] does not constitute a violation of the asset-freezing obligations imposed on states.

To counter the catastrophic socio-economic consequences of sanctions and unilateral restrictive measures, special legal mechanisms are being developed at the national level. For example, in recent years, a number of fundamental changes have been made to policy documents governing various areas of state development. Additionally, legal mechanisms have been established to achieve technological sovereignty, safeguard public welfare, and ensure human security.

Decree of the President of the Russian Federation No. 121 issued in March 16, 2022, introduced measures to ensure socio-economic stability and protect the population in the Russian Federation, including those aimed at safeguarding public health, such as guaranteeing uninterrupted access to medicines and medical devices. To fulfill this objective, the Government of the Russian Federation is actively implementing a range of measures affecting various stages of the life cycle of healthcare technologies.

For example, the mechanism of compulsory licensing has been systematically examined in the context of public health issues. The application of this mechanism is envisaged in the interests of national defense and security, as well as public health, based on a decision by the Government of the Russian Federation in accordance with Article 1360 of the Civil Code of the Russian Federation[2], or by a court decision under Article 1362 of the Civil Code[3]. To systematize approaches of applying the compulsory licensing mechanism, Decree of the President of the Russian Federation No. 122 of February 15, 2024, mandated the establishment of a subcommittee on the use of inventions, utility models, and industrial designs[4]. This subcommittee operates under the Government Commission on Economic Development and Integration, chaired by the Minister of Economic Development of the Russian Federation. It brings together representatives from the Ministry of Economic Development, the Ministry of Industry and Trade, the Federal Antimonopoly Service (FAS), and Rospatent, as well as relevant federal executive bodies overseeing the industries where inventions, utility models, or industrial designs are supposed to be used without the patent holder's consent.

Another mechanism designed to ensure sustainable access to medicines amid the potential impact of unilateral restrictive measures was the establishment of the Interdepartmental Commission for Identifying Medicine Shortages.[5] The document outlines the situations that lead to shortages, enabling a special regulatory regime for certain medicines. Specifically, this includes granting temporary authorization for the distribution of a batch of a medicine that has registered analogues in the Russian Federation under the INN (International Nonproprietary Name) or allowing the import of a medicine in foreign packaging.

To foster technological independence in the healthcare sector, particular attention is given to funding research activities. For example, subsidies from the federal budget are allocated for the development of advanced pharmaceutical industry technologies. This mechanism is referred to as 'shelf patents' and involves the development and establishment of production capacities for certain medications before the expiration of patent protection, ensuring uninterrupted access in case of shortages.

[1] Resolution 2664 (2022). Adopted by the Security Council at its 9214th meeting on 9 December 2022. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/3997259?ln=en&v=pdf.

[2] See: Decree of the Government of the Russian Federation No. 3718-r of December 31, 2020; Decree of the Government of the Russian Federation No. 3937-r of December 27, 2023.

[3] See: Ruling of the Ninth Commercial Court of Appeals. Available at: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0a497aee-9564-4487-a140-8d1e17fcfcb0/78514371-8c45-48ef-a5ba-e77b4fd29f1b/A40-185112-2022_20230925_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.

[4] 'On Improving the Procedure for Making Decisions on the Use of Inventions, Utility Models, and Industrial Designs for the Purpose of Ensuring the Economic Security of the Russian Federation': Decree of the President of the Russian Federation No. 122 of February 15, 2024.

[5] 'On the Interdepartmental Commission for Determining Inventory Shortage or Risk of Occurrence of Inventory Shortage of Medicinal Products, Issuing Conclusions on Determining Inventory Shortage or Risk of Occurrence of Inventory Shortage of Medicinal Products, on the Possibility (Impossibility) of Temporary Circulation of a Series (Batch) of an Unregistered Medicinal Product, and on the Possibility (Impossibility) of Circulation in the Russian Federation of a Series (Batch) of a Medicinal Product in Packaging Intended for Circulation in the Territories of Foreign States, Medicinal Products in Respect of Which There Is Inventory Shortage or Risk of Its Occurrence, in connection with the Introduction of Economic Restrictive Measures against the Russian Federation, as well as on the Approval of the Forms of the Said Conclusions': Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 339n of May 19, 2022.

Заключение

Анализ отечественной и зарубежной доктрины международного права свидетельствует о формировании кардинально разных подходов к оценке легитимности применения односторонних ограничительных мер государством или группой государств с целью формирования условий для изменения вектора политического развития определенных государств. Представленная аргументация позволяет согласиться с позицией, доминирующей среди отечественных ученых-юристов, о неправомерности применения односторонних ограничительных мер и необходимости использования санкций согласно резолюциям СБ ООН в соответствии с Уставом ООН.

Санкции и односторонние ограничительные меры оказывают существенное влияние на обеспечение защиты основополагающих экономических, социальных и культурных прав, ограничивая темпы технологического развития, доступность лекарственных средств и медицинских изделий, обеспечение социальных гарантий, что в комплексе приводит к гуманитарной катастрофе в каждом конкретном государстве и, бесспорно, является нарушением основополагающих прав человека, сформулированных в ВДПЧ и МПЭСКП. Технологии здравоохранения, а также средства их производства и разработки должны исключаться из-под влияния санкций или односторонних ограничительных мер.

Международным сообществом последовательно предпринимались попытки сформировать правовые механизмы, позволяющие исключить из-под вводимых ограничений определенные категории товаров и услуг. Однако угроза «вторичных санкций» в отношении юридических лиц, осуществляющих взаимодействие с государствами, находящимися под действием санкций или односторонних ограничительных мер, и, как следствие, потенциальные экономические потери не позволяют в полной мере использовать механизм «гуманитарных исключений». В подобных условиях высокую практическую значимость приобретает предложение об осуществлении постоянного мониторинга со стороны государств, вводящих односторонние ограничительные меры, за деятельностью организаций, обеспечивающих доступность жизненно важных технологий здравоохранения, товаров высокой социальной значимости. Отдельное внимание необходимо уделить банковскому сектору, где ограничения на проведение транзакций являются значимой причиной уменьшения доступности лекарственных средств или продуктов питания. Не менее важной представляется проблема обеспечения доступа к технологиям, используемым при производстве лекарственных средств и медицинских изделий, многие из которых определяются как технологии двойного назначения, что оказывает прямое влияние на производственные возможности государства, находящегося под действиями ограничительных мер.

Необходимо также отметить, что учреждение мандата Специального докладчика по вопросу об односторонних принудительных мерах, безусловно, позволило актуализировать проблему нарастающего применения односторонних ограничительных мер в отношении развивающихся государств. Однако за годы последовательной работы двух Специальных докладчиков не было разработано практических механизмов, направленных на минимизацию последствий их применения.

Библиографический список

1. *Гриб В. В., Егорова М. А.* Правовые основания одностороннего введения экономических санкций в условиях действия законодательства ВТО // Юридический мир. 2014. № 12. С. 48–56
2. *Жданов Ю. Н.* Принудительные меры в международном праве: монография. М.: Диалог-МГУ, 1998. 248 с.
3. *Калинин А. В.* Экономические санкции ООН и односторонние экстратерриториальные меры экономического принуждения // Юрист-международник. 2005. № 4. С. 30–37.
4. *Капустин А. Я.* Санкции ООН: международно-правовая концептуализация принудительных мер // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6 (73). С. 85–90.
5. *Кешнер М. В.* Легитимность санкций в отношении Российской Федерации: международно-правовой анализ // Журнал российского права. 2015. № 7(223). С. 141–152.
6. *Кешнер М. В.* Верховенство права и применение международных санкций // Московский журнал международного права. 2013. № 4. С.56–69.
7. *Крицкий К. В.* Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 186 с.
8. *Крицкий К. В.* Термины «международные санкции» и «односторонние ограничительные меры» // Московский журнал международного права. 2016. № 2 (102). С. 204–213.
9. *Лукашук И. И.* Право международной ответственности // Международное публичное и частное право. 2002. № 2. С. 30–43.
10. *Маличенко В. С.* Международно-правовые механизмы противодействия чрезвычайным ситуациям в сфере здравоохранения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 174–19.
11. *Маринич С. В.* Экономические санкции в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. 22 с.
12. *Рыжова М. В.* Экономические санкции в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. 2006. 224 с.
13. *Травина Л. А., Катушенко С. А.* Правомерность антироссийских санкций и ответных мер в рамках членства во Всемирной торговой организации // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 4. С. 166–175.

Conclusion

An analysis of Russian and foreign international law doctrines indicates the formation of fundamentally different approaches to assessing the legitimacy of unilateral restrictive measures applied by a state or a group of states to create conditions for altering the political trajectory of certain countries. The presented arguments support the position prevailing among Russian legal scholars, which holds that the application of unilateral restrictive measures is unlawful and that sanctions should only be imposed in accordance with UN Security Council resolutions, as stipulated by the UN Charter.

Sanctions and unilateral restrictive measures significantly impact the protection of fundamental economic, social, and cultural rights by hindering technological development, limiting access to medicines and medical equipment, and undermining social guarantees. All these effects taken together lead to humanitarian crises in affected states and constitute a clear violation of fundamental human rights as enshrined in the Universal Declaration of Human Rights (UDHR) and the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR). Healthcare technologies, as well as the means of their production and development, should be exempt from sanctions or unilateral restrictive measures.

The international community has consistently attempted to establish legal mechanisms to exempt certain categories of goods and services from imposed restrictions. However, the threat of 'secondary sanctions' against legal entities engaging with states under sanctions or unilateral restrictive measures and the resulting potential economic losses prevents the full utilization of the 'humanitarian exemptions' mechanism. Under such circumstances, the proposal for continuous monitoring by states imposing unilateral restrictive measures over the activities of organizations ensuring access to vital healthcare technologies and socially critical goods gains high practical significance. Particular attention should be paid to the banking sector, where transaction restrictions significantly reduce the availability of medicines or food. Equally important is the issue of ensuring access to technologies used in the production of medicines and medical devices, many of which are classified as dual-use technologies, directly affecting the production capabilities of states under restrictive measures.

It is also worth noting that establishing the mandate of the Special Rapporteur on unilateral coercive measures has undoubtedly highlighted the growing problem of unilateral restrictive measures being applied against developing states. However, despite years of consistent work by two Special Rapporteurs, no practical mechanisms have been developed to mitigate the consequences of such measures.

Библиографический список

1. *Гриб В. В., Егорова М. А.* Правовые основания одностороннего введения экономических санкций в условиях действия законодательства ВТО // Юридический мир. 2014. № 12. С. 48–56
2. *Жданов Ю. Н.* Принудительные меры в международном праве: монография. М.: Диалог-МГУ, 1998. 248 с.
3. *Калинин А. В.* Экономические санкции ООН и односторонние экстратерриториальные меры экономического принуждения // Юрист-международник. 2005. № 4. С. 30–37.
4. *Капустин А. Я.* Санкции ООН: международно-правовая концептуализация принудительных мер // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6 (73). С. 85–90.
5. *Кешнер М. В.* Легитимность санкций в отношении Российской Федерации: международно-правовой анализ // Журнал российского права. 2015. № 7(223). С. 141–152.
6. *Кешнер М. В.* Верховенство права и применение международных санкций // Московский журнал международного права. 2013. № 4. С.56–69.
7. *Крицкий К. В.* Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 186 с.
8. *Крицкий К. В.* Термины «международные санкции» и «односторонние ограничительные меры» // Московский журнал международного права. 2016. № 2 (102). С. 204–213.
9. *Лукашук И. И.* Право международной ответственности // Международное публичное и частное право. 2002. № 2. С. 30–43.
10. *Маличенко В. С.* Международно-правовые механизмы противодействия чрезвычайным ситуациям в сфере здравоохранения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 174–19.
11. *Маринич С. В.* Экономические санкции в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. 22 с.
12. *Рыжова М. В.* Экономические санкции в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. 2006. 224 с.
13. *Травина Л. А., Катушенко С. А.* Правомерность антироссийских санкций и ответных мер в рамках членства во Всемирной торговой организации // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 4. С. 166–175.

14. *Biersteker T.* Scholarly participation in transnational policy networks: the case of targeted sanctions // Scholars, policymakers, and international affairs: finding common cause. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. 320 p.

15. *Carter B.* International economic sanctions: Improving the haphazard US legal regime // California Law Review. 1987. Vol. 75. № 4. Pp. 1159–1278.

16. *Combacau J.* «Sanctions» // Encyclopedia of Public International Law. R. Bernhardt (ed.). Amsterdam: Elsevier, 1986. P. 337.

17. *Douhan A.* Unilateral coercive measures, IHL and impartial humanitarian action // International Review of the Red Cross. 2021. Vol. 103 (916-917). Pp. 25–50.

18. *Eisenberg L.* The sleep of reason produces monsters - human costs of economic sanctions // New England Journal of Medicine. 1997. Vol. 336. № 17. Pp. 1248–1250

19. *Garfield R., Williams G.* Health care in Nicaragua. New York: Oxford University Press, 1992. 296 p.

20. *Gutmann J., Neuenkirch M., Neumeier F.* Sanctioned to death? The impact of economic sanctions on life expectancy and its gender gap // The Journal of Development Studies. 2021. Vol. 57. № 1. Pp. 139–162.

21. *Ha L. T., Nam P. X.* An investigation of relationship between global economic sanction and life expectancy: do financial and institutional system matter? // Development Studies Research. 2022. Vol. 9. № 1. Pp. 48–66.

22. *Hofer A.* The Developed/Developing Divide on Unilateral Coercive Measures: Legitimate Enforc ement or Illegitimate Intervention? // Chinese Journal of International Law. Vol. 16. Issue 2. 2017. Pp. 175–214.

23. *Hovell D.* Unfinished Business of International Law: The Questionable Legality of Autonomous Sanctions // AJIL Unbound. 2019. Vol. 113. Pp. 140–145.

24. *Joyner D.* International Legal Limits on the Ability of States to Lawfully Impose International Economic/Financial Sanctions // Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law. 2016. Pp. 190–206.

25. *Minear L. et. al.* Toward More Humane and Effective Sanctions Management: Enhancing the Capacity of the United Nations System, Executive Summary // Occasional Pape. 1998. № 31. 130 p.

References

1. Grib V. V., Egorova M. A. *Pravovye osnovaniya odnostoronnego vvedeniya ekonomicheskikh sanktsiy v usloviyakh deystviya zakonodatel'stva VTO* [Legal Foundations of a Unilateral Introduction of Economic Sanctions in Conditions of Operation of the WTO Legislation]. *Yuridicheskiy mir* – Juridical World. 2014. Issue 12. Pp. 48–56. (In Russ.).

2. Zhdanov Yu. N. *Prinuditel'nye mery v mezhdunarodnom prave* [Coercive Measures in International Law]: a monograph. Moscow, 1998. 248 p. (In Russ.).

3. Kalinin A. V. *Ekonomicheskie sanktsii OON i odnostoronnie ekstraterritorial'nye mery ekonomicheskogo prinuzhdeniya* [UN Economic Sanctions and Unilateral Extraterritorial Measures of Economic Coercion]. *Yurist-mezhdunarodnik* – International Lawyer. 2005. Issue 4. Pp. 30–37. (In Russ.).

4. Kapustin A. Ya. *Sanktsii OON: mezhdunarodno-pravovaya kontseptualizatsiya prinuditel'nykh mer* [UN Sanctions: The International Legal Conceptualization of Coercive Measures]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2018. Issue 6 (73). Pp. 85–90. (In Russ.).

5. Keshner M. V. *Legitimnost' sanktsiy v otnoshenii Rossiyskoy Federatsii: mezhdunarodno-pravovoy analiz* [Legitimacy of Sanctions Against the Russian Federation: International Legal Analysis]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2015. Issue 7 (223). Pp. 141–152. (In Russ.).

6. Keshner M. V. *Verkhovenstvo prava i primenenie mezhdunarodnykh sanktsiy* [The Rule of Law and the Application of International Sanctions]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* – Moscow Journal of International Law. 2013. Issue 4. Pp. 56–69. (In Russ.).

7. Kritskiy K. V. *Sanktsii i odnostoronnie ogranichitel'nye mery v sovremennom mezhdunarodnom prave: dis. … kand. yurid. nauk* [Sanctions and Unilateral Restrictive Measures in Modern International Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2019. 186 p. (In Russ.).

8. Kritskiy K. V. *Terminy «mezhdunarodnye sanktsii» i «odnostoronnie ogranichitel'nye mery»* [International Sanctions and Unilateral Restrictive Measures: Problems of Definition]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* – Moscow Journal of International Law. 2016. Issue 2 (102). Pp. 204–213. (In Russ.).

9. Lukashuk I. I. *Pravo mezhdunarodnoy otvetstvennosti* [Law of International Responsibility]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* – Public International and Private International Law. 2002. Issue 2. Pp. 30–43. (In Russ.).

10. Malichenko V. S. *Mezhdunarodno-pravovye mekhanizmy protivodeystviya chrezvychaynym situatsiyam v sfere zdravookhraneniya* [International Legal Mechanisms of Countering Health Emergencies]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* – Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Issue 1. Pp. 174–197. (In Russ.).

11. Marinich S. V. *Ekonomicheskie sanktsii v mezhdunarodnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Economic Sanctions in International Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow. 1989. 22 p. (In Russ.).

12. Ryzhova M. V. *Ekonomicheskie sanktsii v sovremennom mezhdunarodnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [Economic Sanctions in Modern International Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2006. 224 p. (In Russ.).

13. Travina L. A., Katushenko S. A. *Pravomernost' antirossiyskikh sanktsiy i otvetnykh mer v ramkakh chlenstva vo Vsemirnoy torgovoy organizatsii* [The Legitimacy of Anti-Russian Sanctions and Countermeasures Within the Framework of Membership in the World Trade Organization]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* – Actual Problems of Economics and Law. 2016. Vol. 10. Issue 4. Pp. 166–175. (In Russ.).

14. *Biersteker T.* Scholarly participation in transnational policy networks: the case of targeted sanctions // Scholars, policymakers, and international affairs: finding common cause. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. 320 p.

15. *Carter B.* International economic sanctions: Improving the haphazard US legal regime // California Law Review. 1987. Vol. 75. № 4. Pp. 1159–1278.

16. *Combacau J.* «Sanctions» // Encyclopedia of Public International Law. R. Bernhardt (ed.). Amsterdam: Elsevier, 1986. P. 337.

17. *Douhan A.* Unilateral coercive measures, IHL and impartial humanitarian action // International Review of the Red Cross. 2021. Vol. 103 (916-917). Pp. 25–50.

18. *Eisenberg L.* The sleep of reason produces monsters - human costs of economic sanctions // New England Journal of Medicine. 1997. Vol. 336. № 17. Pp. 1248–1250

19. *Garfield R., Williams G.* Health care in Nicaragua. New York: Oxford University Press, 1992. 296 p.

20. *Gutmann J., Neuenkirch M., Neumeier F.* Sanctioned to death? The impact of economic sanctions on life expectancy and its gender gap // The Journal of Development Studies. 2021. Vol. 57. № 1. Pp. 139–162.

21. *Ha L. T., Nam P. X.* An investigation of relationship between global economic sanction and life expectancy: do financial and institutional system matter? // Development Studies Research. 2022. Vol. 9. № 1. Pp. 48–66.

22. *Hofer A.* The Developed/Developing Divide on Unilateral Coercive Measures: Legitimate Enforcement or Illegitimate Intervention? // Chinese Journal of International Law. Vol. 16. Issue 2. 2017. Pp. 175–214.

23. *Hovell D.* Unfinished Business of International Law: The Questionable Legality of Autonomous Sanctions // AJIL Unbound. 2019. Vol. 113. Pp. 140–145.

24. *Joyner D.* International Legal Limits on the Ability of States to Lawfully Impose International Economic/Financial Sanctions // Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law. 2016. Pp. 190–206.

25. *Minear L. et. al.* Toward More Humane and Effective Sanctions Management: Enhancing the Capacity of the United Nations System, Executive Summary // Occasional Pape. 1998. № 31. 130 p.

References

1. Grib V. V., Egorova M. A. *Pravovye osnovaniya odnostoronnego vvedeniya ekonomicheskikh sanktsiy v usloviyakh deystviya zakonodatel'stva VTO* [Legal Foundations of a Unilateral Introduction of Economic Sanctions in Conditions of Operation of the WTO Legislation]. *Yuridicheskiy mir* – Juridical World. 2014. Issue 12. Pp. 48–56. (In Russ.).

2. Zhdanov Yu. N. *Prinuditel'nye mery v mezhdunarodnom prave* [Coercive Measures in International Law]: a monograph. Moscow, 1998. 248 p. (In Russ.).

3. Kalinin A. V. *Ekonomicheskie sanktsii OON i odnostoronnie ekstraterritorial'nye mery ekonomicheskogo prinuzhdeniya* [UN Economic Sanctions and Unilateral Extraterritorial Measures of Economic Coercion]. *Yurist-mezhdunarodnik* – International Lawyer. 2005. Issue 4. Pp. 30–37. (In Russ.).

4. Kapustin A. Ya. *Sanktsii OON: mezhdunarodno-pravovaya kontseptualizatsiya prinuditel'nykh mer* [UN Sanctions: The International Legal Conceptualization of Coercive Measures]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2018. Issue 6 (73). Pp. 85–90. (In Russ.).

5. Keshner M. V. *Legitimnost' sanktsiy v otnoshenii Rossiyskoy Federatsii: mezhdunarodno-pravovoy analiz* [Legitimacy of Sanctions Against the Russian Federation: International Legal Analysis]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2015. Issue 7 (223). Pp. 141–152. (In Russ.).

6. Keshner M. V. *Verkhovenstvo prava i primenenie mezhdunarodnykh sanktsiy* [The Rule of Law and the Application of International Sanctions]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* – Moscow Journal of International Law. 2013. Issue 4. Pp. 56–69. (In Russ.).

7. Kritskiy K. V. *Sanktsii i odnostoronnie ogranichitel'nye mery v sovremennom mezhdunarodnom prave: dis. … kand. yurid. nauk* [Sanctions and Unilateral Restrictive Measures in Modern International Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2019. 186 p. (In Russ.).

8. Kritskiy K. V. *Terminy «mezhdunarodnye sanktsii» i «odnostoronnie ogranichitel'nye mery»* [International Sanctions and Unilateral Restrictive Measures: Problems of Definition]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* – Moscow Journal of International Law. 2016. Issue 2 (102). Pp. 204–213. (In Russ.).

9. Lukashuk I. I. *Pravo mezhdunarodnoy otvetstvennosti* [Law of International Responsibility]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* – Public International and Private International Law. 2002. Issue 2. Pp. 30–43. (In Russ.).

10. Malichenko V. S. *Mezhdunarodno-pravovye mekhanizmy protivodeystviya chrezvychaynym situatsiyam v sfere zdravookhraneniya* [International Legal Mechanisms of Countering Health Emergencies]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* – Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Issue 1. Pp. 174–197. (In Russ.).

11. Marinich S. V. *Ekonomicheskie sanktsii v mezhdunarodnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Economic Sanctions in International Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow. 1989. 22 p. (In Russ.).

12. Ryzhova M. V. *Ekonomicheskie sanktsii v sovremennom mezhdunarodnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [Economic Sanctions in Modern International Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2006. 224 p. (In Russ.).

13. Travina L. A., Katushenko S. A. *Pravomernost' antirossiyskikh sanktsiy i otvetnykh mer v ramkakh chlenstva vo Vsemirnoy torgovoy organizatsii* [The Legitimacy of Anti-Russian Sanctions and Countermeasures Within the Framework of Membership in the World Trade Organization]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* – Actual Problems of Economics and Law. 2016. Vol. 10. Issue 4. Pp. 166–175. (In Russ.).

prava – Actual Problems of Economics and Law. 2016. Vol. 10. Issue 4. Pp. 166–175. (In Russ.).

14. Biersteker T. *Scholarly Participation in Transnational Policy Networks: The Case of Targeted Sanctions. Scholars, Policymakers, and International Affairs: Finding Common Cause.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. 320 p. (In Eng.).

15. Carter B. International Economic Sanctions: Improving the Haphazard US Legal Regime. *California Law Review*. 1987. Vol. 75. Issue 4. Pp. 1159–1278. (In Eng.).

16. Combacau J. *'Sanctions'.* In: Bernhardt R. (ed.) *Encyclopedia of Public International Law.* Amsterdam: Elsevier, 1986. P. 337. (In Eng.).

17. Douhan A. Unilateral Coercive Measures, IHL and Impartial Humanitarian Action. *International Review of the Red Cross*. 2021. Vol. 103 (916-917). Pp. 25–50. (In Eng.).

18. Eisenberg L. The Sleep of Reason Produces Monsters – Human Costs of Economic Sanctions. *New England Journal of Medicine*. 1997. Vol. 336. Issue 17. Pp. 1248–1250. (In Eng.).

19. Garfield R., Williams G. *Health Care in Nicaragua*. New York: Oxford University Press, 1992. 296 p. (In Eng.).

20. Gutmann J., Neuenkirch M., Neumeier F. Sanctioned to Death? The Impact of Economic Sanctions on Life Expectancy and Its Gender Gap. *The Journal of Development Studies.* 2021. Vol. 57. Issue 1. Pp. 139–162. (In Eng.).

21. Ha L. T., Nam P. X. An Investigation of Relationship Between Global Economic Sanction and Life Expectancy: Do Financial and Institutional System Matter? *Development Studies Research*. 2022. Vol. 9. Issue 1. Pp. 48–66. (In Eng.).

22. Hofer A. The Developed/Developing Divide on Unilateral Coercive Measures: Legitimate Enforcement or Illegitimate Intervention? *Chinese Journal of International Law*. Vol. 16. Issue 2. 2017. Pp. 175–214. (In Eng.).

23. Hovell D. Unfinished Business of International Law: The Questionable Legality of Autonomous Sanctions. *AJIL Unbound*. 2019. Vol. 113. Pp. 140–145. (In Eng.).

24. Joyner D. International Legal Limits on the Ability of States to Lawfully Impose International Economic/Financial Sanctions. *Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law*. 2016. Pp. 190–206. (In Eng.).

25. Minear L. et. al. Toward More Humane and Effective Sanctions Management: Enhancing the Capacity of the United Nations System, Executive Summary. *Occasional Papers*. 1998. Issue 31. 130 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

В. С. Маличенко
Доктор юридических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела социального законодательства
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации
117218, Россия, г. Москва,
ул. Большая Черемушкинская, 34

ORCID: 0000-0003-3136-8054
ResearcherID: ABF-8580-2022

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.21638/spbu14.2024.412

About the author:

V. S. Malichenko
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
34 Bol'shaya Cheremushkinskaya st., Moscow,
117218, Russia

ORCID: 0000-0003-3136-8054
ResearcherID: ABF-8580-2022

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.21638/spbu14.2024.412

14. Biersteker T. *Scholarly Participation in Transnational Policy Networks: The Case of Targeted Sanctions. Scholars, Policymakers, and International Affairs: Finding Common Cause.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. 320 p. (In Eng.).

15. Carter B. International Economic Sanctions: Improving the Haphazard US Legal Regime. *California Law Review*. 1987. Vol. 75. Issue 4. Pp. 1159–1278. (In Eng.).

16. Combacau J. *'Sanctions'.* In: Bernhardt R. (ed.) *Encyclopedia of Public International Law.* Amsterdam: Elsevier, 1986. P. 337. (In Eng.).

17. Douhan A. Unilateral Coercive Measures, IHL and Impartial Humanitarian Action. *International Review of the Red Cross*. 2021. Vol. 103 (916-917). Pp. 25–50. (In Eng.).

18. Eisenberg L. The Sleep of Reason Produces Monsters – Human Costs of Economic Sanctions. *New England Journal of Medicine*. 1997. Vol. 336. Issue 17. Pp. 1248–1250. (In Eng.).

19. Garfield R., Williams G. *Health Care in Nicaragua*. New York: Oxford University Press, 1992. 296 p. (In Eng.).

20. Gutmann J., Neuenkirch M., Neumeier F. Sanctioned to Death? The Impact of Economic Sanctions on Life Expectancy and Its Gender Gap. *The Journal of Development Studies.* 2021. Vol. 57. Issue 1. Pp. 139–162. (In Eng.).

21. Ha L. T., Nam P. X. An Investigation of Relationship Between Global Economic Sanction and Life Expectancy: Do Financial and Institutional System Matter? *Development Studies Research*. 2022. Vol. 9. Issue 1. Pp. 48–66. (In Eng.).

22. Hofer A. The Developed/Developing Divide on Unilateral Coercive Measures: Legitimate Enforcement or Illegitimate Intervention? *Chinese Journal of International Law*. Vol. 16. Issue 2. 2017. Pp. 175–214. (In Eng.).

23. Hovell D. Unfinished Business of International Law: The Questionable Legality of Autonomous Sanctions. *AJIL Unbound*. 2019. Vol. 113. Pp. 140–145. (In Eng.).

24. Joyner D. International Legal Limits on the Ability of States to Lawfully Impose International Economic/Financial Sanctions. *Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law*. 2016. Pp. 190–206. (In Eng.).

25. Minear L. et. al. Toward More Humane and Effective Sanctions Management: Enhancing the Capacity of the United Nations System, Executive Summary. *Occasional Papers*. 1998. Issue 31. 130 p. (In Eng.).

About the author:

V. S. Malichenko
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34 Bol'shaya Cheremushkinskaya st., Moscow, 117218, Russia

ORCID: 0000-0003-3136-8054
ResearcherID: ABF-8580-2022

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.21638/spbu14.2024.412

Информация об авторе:

В. С. Маличенко
Доктор юридических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела социального законодательства
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации
117218, Россия, г. Москва,
ул. Большая Черемушкинская, 34

ORCID: 0000-0003-3136-8054
ResearcherID: ABF-8580-2022

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.21638/spbu14.2024.412